

Евгений СУХОВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

ВОРОВСКАЯ КОРОНА

Деньги на стол, господа!

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Воровская корона

«ЭКСМО»

Сухов Е. Е.

Воровская корона / Е. Е. Сухов — «Эксмо», — (Деньги на стол, господа!)

Москва 20-х годов... Узкие переулки Хитровки и Сухаревки – пристанище преступников всех мастей: щипачи, домушники, медвежатники, налетчики, шулера... Кирьян Курахин один из самых могущественных паханов этого мира. Он – жиган, а значит, смертельный враг воров старой школы – урок, строго придерживающихся своих законов. Уркачи жаждут крови Кирьяна, но король Хитровки дерзок и неуловим. Не только уркаганы охотятся на жигана, у начальника МУРа Игната Сарычева свой счет к Кирьяну. Облавы, перестрелки, засады – земля горит под ногами лихого жигана, он с трудом удерживает воровскую корону, но тем слаще войти в шикарный ресторан, выстрелить в потолок и сказать: `Спокойно, господа, это налет!`

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	18
ЗА ЧАС ДО ТОГО...	24
Глава 3	37
Глава 4	55
ТЕРПЕТЬ НЕ МОГУ СКВОЗНЯКОВ...	58
Глава 5	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Евгений Сухов

Воровская корона

Роман посвящаю доброй памяти моего друга Эдуарда Ивановича Пугачева, замечательного человека и настоящего русского офицера

Часть 1

ПИТЕРСКИЙ ЖИГАН

Глава 1

ЖИГАНСКАЯ КЛЯТВА

В лицо ударил порыв ветра и колюче забрался за воротник. На Красной площади гулял ветер. Кирьян запахнул отвороты модного драпового пальто и посмотрел на своих спутников, отставших на полшага.

Парень, шедший справа, был в черной кожаной тужурке и расклешенных брюках; на голове, вытянутой, словно астраханская дыня, лихо заломлена серая, в белую тонкую полоску кепка. Из-под козырька весело и дерзко смотрели по сторонам молодые озорные глаза и беззастенчиво раздевали донага каждую встречную красотку.

Только лоскуты летели во все стороны!

Парень был необыкновенно тощ и слегка сутулился, но плечи у него были крепкие и широкие.

Второй был ровесник Кирьяна, молодой, едва перешагнувший тридцатилетний рубеж мужчина. Глубокие залысины, криво уходящие к середине макушки, делали его значительно старше прожитых лет. Одет он тоже был с заметным шиком. На широких, чуть покатых плечах длинное модное пальто, а огромные ступни в английских кожаных штиблетах.

– Чертова погода, – пожаловался лысоватый, – и не скажешь, что весна!

– Пришли, – остановился Кирьян у обелиска из светло-серого гранита.

С правой стороны площади возвышалась темно-зубчатая Кремлевская стена. Вдоль стены в длинной шинели и в островерхой потертой буденовке расхаживал часовой. Трехлинейная винтовка в его руках больше напоминала древко флага, чем оружие, да и сам он не внушал трепетного страха редким прохожим, так как был непростительно юн. Да и к собственному посту, судя по выражению его лица, он относился весьма скептически – только ненормальному взбредет на ум брать штурмом Кремль. А потому он с нескрываемым интересом наблюдал за всем, что творится вокруг. Из-под насупленных бровей постовой разглядывал троицу, остановившуюся у серого обелиска. Вот оно как бывает, с виду – обычные уркаганы и одеты соответственно, а вот остановились у памятника и даже картузы снимали.

Постояв и понаблюдав немного за колоритной троицей, красноармеец развернулся и медленно зашагал вдоль стены, сделав для себя вывод, что ждать неприятностей от троицы не стоит и социалистическая собственность останется в неприкосновенности.

– Прочитал, Макей? – спросил Кирьян, повернувшись к тощему парню, застывшему около обелиска.

– Ага! – оскалился тот, слегка пригнувшись. И поди тут разберись, что бы это значило: уважение перед свободой или, быть может, дань новому порыву ветра, еще более сильному. – «Не трудящийся да не ест!»

– И что ты на это скажешь? – цепкие глаза Кирьяна изучающе застыли на молодом румянном лице.

– А хреновина все это, – хмыкнул Макей, посмотрев в сторону удаляющегося красноармейца.

Боец на минуту остановился, переложил винтовку на другое плечо и потопал себе дальше нести свою нелегкую службу.

– Отчего ж хреновина-то? – испытующе сощурился Кирьян.

– На то человеку и руки даны господом богом, чтобы не вкалывать, а брать то, что плохо лежит, – весело заметил Макей, улыбнувшись во весь рот.

– Верно, – удовлетворенно протянул Кирьян, словно педагог, услышавший правильный ответ на очень трудный вопрос. Он притронулся к граниту и ощутил кончиками пальцев каменный холод. – Ну, давай начинай, пока это чучело в шинели разгуливает, – взглядом показал он на постового, – а то еще надумает сюда подойти. А ты чего, Степан, скажешь? – повернулся Кирьян к другому спутнику. – Согласен?

– Чего возражать-то? – удивленно вскинул тот брови. – Пусть говорит, а то я здесь на ветру совсем задубел. Хоть он и чучело, – кивнул Степан в сторону Моссовета, где расхаживал красноармеец, – но одет-то по погоде, а я уже до самых кишок промерз.

Макей помял в руках картуз, а потом торжественно заговорил:

– Я родился жуликом, воровал всю жизнь, клянусь воровать и дальше, а на мой век купцов и фраеров хватит. – И, брезгливо поморщившись на выбитую надпись, с чувством добавил: – Пусть трудящиеся работают!.. А ежели я нарушу клятву, пускай тогда жиганы с меня по всей строгости спросят.

– А если тебе чекисты руки перебьют? – очень серьезно спросил Степан, ежась от пронизывающего ветра.

Красноармеец остановился, задрал подбородок к самому небу. С минуту он что-то увлеченно рассматривал в нависших дождевых облаках, а потом, ковырнув мизинцем в широком носу, затопал обратно.

– Ежели перебьют, – на секунду в глазах Макея плеснуло сомнение, – тогда зубами воровать стану, – убежденно заверил Макей.

Кирьян широко, с пониманием улыбнулся.

– Хм... Насчет зубов ты, конечно, малость соврал. Но а так ничего, принимается. Ты-то как считаешь, Степан? – обратился он к лысеющему собрату.

– А что, молодец! Лучше и не скажешь, – протянул довольно тот, и его широкий лоб собрался в мелкие складочки.

– Поздравляю тебя, Макей, – протянул Кирьян руку, – теперь ты жиган¹.

– Спасибо, – растрогался тощий.

– Ладно, чего тянуть-то, – буркнул Степан, – это дело отметить надо. Не каждый день мы путевого пацана в жиганы принимаем. Угостишь?

– А то! – почти обиделся Макей.

– Ну, тогда пойдем на малину² водку жрать, – радостно сверкнули глаза Степана. – А еще Лизка обещала клушек³ подогнуть, – и, потирая ладони, сладко сощурился, – пощупаем.

– А все-таки ты насчет зубов-то соврал, – увлекая за собой Макея и Степана, затопал с площади Кирьян.

* * *

У Яузского бульвара к Ваське Коту пристал нищий. Сухой, долговязый, напоминающий почерневшую оглоблю, он уверенно вышагивал следом и могучим, хорошо поставленным голосом уговаривал Ваську подать ему милостыню.

¹ Жиганы – представители воровского сообщества, сложившегося в начале 20-х годов. По своему составу очень неоднородная группа. Кроме потомственных преступников, в нее могли входить представители всех классов, включая дворянство. Жиганы были весьма политизированы, за что получили другое название – «идейные». Откровенный бандитизм прикрывали политическими лозунгами и часто выдавали себя за анархистов. Вели борьбу за власть с урками – профессиональными преступниками традиционной дореволюционной формации. (Здесь и далее примечание автора).

² Малина – воровской притон.

³ Клушка – женщина легкого поведения.

– Мне бы пяточка всего хватило, господин... Жизнь нынче тяжелая пошла, а так, глядишь, махорки бы купил да деткам бы на хлебушек оставил.

В сравнении с низкорослым Васькой нищий выглядел настоящим детиной и был похож на заботливого папашу, опекающего непутевого недоросля.

– Да врешь, поди, – не сбавляя шагу, отвечал Кот, которого подобный разговор начинал забавлять, – у тебя и детей-то, наверное, нет! А деньги ты все равно пропешь!

Бродяга неожиданно обиделся:

– Дети-то?.. С чего же нет-то? Должны быть. Мужик-то я исправный. А насчет того, что пропью, это ты верно, барин, сказал, пропью! Не могу я без этого. А иначе как тоску-то залить? – ухмыльнулся он щербатым ртом.

Бродягу легко было представить где-нибудь в подворотне Хитровки с кистенем в руках, терпеливо дожидаящимся богатого купца, а он, поди ж ты, занимается таким невинным промыслом, как попрошайничество. Хотя кто его знает, что он вытворяет глубокими ночами, уж больно рожа у него разбойная. К тому же он даже не просил, а красноречиво доказывал свое право на обладание монетой, что как-то подкупало. Ведь с такими ручищами и отнять ничего не стоит, а он топает рядышком прирученной собачонкой и споры заводит.

– Ты бы, братец, воровал, а не просил, – подсказал Васька Кот, откровенно заглядываясь на барышню, двигавшуюся навстречу, – глядишь, и разбогател бы!

– Вору! – честно признался бродяга, проследив за взглядом Кота. – А только мне все больше не везет, – пожаловался он искренне, – то по башке надают, а то в кутузку отправят. Я ведь при царе и на каторге побывал. Сподобился, едрит твою!.. Да потом стар я стал для такого лихого дела. А тут прошу себе копеечку, и добрые люди не отказывают. Немного, конечно, дают, но на водку хватает.

Бродяга говорил достойно, без жалости в голосе, что внушало к нему уважение, и Васька Кот чуть ли не признал в нем равного. Не исключено, что прежде попрошайка был уважаемым громилой и без пары кастетов даже на крыльцо не выходил подымить. А тут отрухлявел вконец и решил променять прежнее доходное ремесло на более спокойное.

– Красноречив ты больно, дядька, – заметил Васька Кот. – Ладно, держи! – сунул он деньги в протянутую ладонь. – Только сразу не пропей.

Деньги бродяга взял достойно, безо всякой спешки, как если бы то была не милостыня, а честно заработанное жалованье. Подкинул разок на ладони и небрежно сунул в оттопыренный карман.

– Благодарствую! – И, громко сморкнувшись, потопал себе кривенькой походкой выискивать в лабиринте московских улиц очередную жертву.

Яузский бульвар был пустынен. Оно и понятно – сырость. Лишь под старой липой на скамейке устроилась парочка. Похоже, что молодых объединяло горячее чувство, иначе зачем им было ютиться на мокрой скамейке да еще в такую погоду.

Васька Кот внимательно посмотрел на сидящих – даже в сумерках можно было рассмотреть их счастливые лица. Точно любовь! В таких случаях нужна теплая хата и большая кровать. Если у них нет ни того ни другого, то молодых следует пожалеть.

Васька достал из кармана часы. Звонко щелкнул серебряной крышкой. Негромко заиграла приятная мелодия. До назначенного времени оставалось пятнадцать минут. Хрящ придет вовремя, порода такая, по нему хоть часы проверяй, а стало быть, впереди тоскливое ожидание. Интересно, куда он подевался, если в Москве у него даже приятелей нет?

Мог бы поделиться планами!

Васька Кот повертел брегет. На крышке был выгравирован дворянский герб, а под ним трогательная надпись: «Милому графу Михаилу Колычеву от его возлюбленной Анечки».

Эти часы Васька отстегнул у одного толстого дядьки в старой прокуренной пивной во время долгого и очень трогательного разговора. Новый знакомый жаловался на жизнь и гово-

рил о том, что падчерица шлепает его по лицу мокрой тряпкой. Но кто бы мог подумать тогда, что случайно встретившийся пропойца самый настоящий граф! При самом богатом воображении его нельзя было представить даже швейцаром третьеразрядного ресторана. Поначалу Кот хотел заложить часы в ломбард, но, подумав, решил оставить себе, вещица понравилась ему.

Васька Кот слыл опытным карманником, и бывали времена, когда за один только вечер он вынимал до дюжины часов, а потом раздаривал их своим многочисленным подругам.

Хрящ вынырнул из сумерек, словно мачта «Летучего голландца» из густого тумана. Дохнув махорочным дымом, раскованно заулыбался:

– Давно ждешь?

– Минут пятнадцать.

– Зря, – отрубил матрос, – надо вовремя приходить.

– Не подрассчитал, – повел плечом Кот.

– Не бережешь ты свое время, Васька, – посочувствовал Макар Хрящ. – Надо было заваляться куда-нибудь на блатную хазу⁴, поднять пигалицу и понежиться с ней в тепле, прежде чем на дождь выскакивать... Ладно, ладно, не морщись, – дружески похлопал он по плечу Кота. – Это я тебя разыгрываю. Дело есть дело. Ничего не забыл?

– Как тут позабудешь, – кривая ухмылка слегка тронула правый уголок рта Васьки. – За такое и без башки можно остаться.

– Это верно, – очень серьезно заметил Макар. – Сначала идешь к мадам Трегубовой. Постарайся ей понравиться. Она баба чумовая, громил вот так держит, – сжал Хрящ пальцы в могучий кулак.

– Я слышал, она была подругой Горыныча, – заметил Кот, поежившись. Все-таки сырость пробрала его, а может, не только в ней дело...

– Верно, – поддакнул Хрящ. – Горыныч-то всем на Хитровке заправлял, от каждого дела долю немалую брал, а как его в уголкову⁵ заперли, баба не растерялась, хваткой оказалась, все краденое теперь через нее идет. Деньги очень любит... Только куда ей столько? Все чемоданы полны добра, а ей все мало: значит, нанесешь ей визит, расскажешь про меня, растолкуешь, что намечается очень денежное дельце. Не забудь таинственность на себя напустить. Пусть знает, что денег и впрямь будет немало. Но упаси тебя боже ляпнуть что-нибудь лишнее или обидеть ее хотя бы словом. Хряпнут по темечку чем-нибудь тяжелым да сбросят в Язу. Она и не таких матерых уркаганов умирала. Усек?

– Понял, – качнул головой Кот.

– Так что этой бабы бойся: умна, как крыса или как ворона.

– Учту, – серьезно заверил Васька.

Сумерки спустились окончательно, спрятав в темноту кроны близстоящих деревьев. Парочка влюбленных на скамейке продолжала жаться друг к другу. Похоже, что у них на вечер были свои планы.

– Ну, давай иди! Встретимся в гостинице.

– До скорого, Хрящ, – махнул на прощание Васька Кот.

Макар заулыбался во весь рот, а ответил неласково:

– Да пошел ты!..

* * *

Васька Кот ни разу не был на Хитровке ночью, а потому не узнавал ничего. Многочисленные кривые переулки напоминали лабиринты, откуда не суждено выбраться случайному

⁴ Блатная хаза – воровской притон.

⁵ Уголка – уголовный розыск.

человеку. Площадь была завалена вонючим хламом, видно, снесенным сюда со всей Хитровки. Улицы изрыты и заполнены нечистотами. Наверняка для того, чтобы нежелательный гость утоп в пахучей жиже. А дома, лишённые света, выглядели нежилыми. Лишь в отдельных окнах тускло горел свет – там шла крупная игра. У дверей одного из зданий Васька заметил красный фонарь – здесь местные красавицы продавали любовь по дешёвке.

Васька Кот остановился. И тотчас, заподозрив в нем потенциального клиента, к нему навстречу двинулась крупная тетка лет тридцати. В полумраке она напоминала лесную кикимору, покинувшую свое логово.

– Барин, развлечься не желаешь? – баба ткнулась могучими грудями прямо в живот Коту. – Я дорого не возьму, дашь за удовольствие полтинничек, так я тебе еще спасибо скажу.

– Сударыня, премного благодарен за предложение, но я тут по делам.

– Ах, какой ты, барин, несносный, – сокрушалась бабенка, отчего ее пропитое лицо обижено сморщилось. – Да это совсем недорого. Другие за свою красу аж два рубля просят!

Васька Кот всмотрелся в женщину. С трудом верилось, что кто-то еще способен позариться на этот расплзшийся студень.

– Мадам, вы очаровательны, – галантно заметил Кот, благоразумно подумав о том, что в незнакомом месте не стоит начинать с конфликта, – но я ужасно тороплюсь.

Васька Кот повернулся и уже хотел было уйти, но цепкая женская рука ухватила его за рукав.

– Ты такой красавчик, – очень искренне уверяла его тетка, – водки нальешь, колбаски порежешь, да и ладно! Я на все согласная.

Кот нервно выдернул руку. Он начинал терять терпение.

– Я уже сказал вам, мадам, что вы очень лакомый кусочек, и я бы счел за великую честь переспать с вами и слегка помять ваши прелести... Но не сейчас, я очень занят!

– И куда же ты так спешишь? – в голосе женщины прозвучали ледяные язвительные нотки.

– К мадам Трегубовой, знаешь такую?

– Ах ты, негодник, променял меня на нее, – фальшиво поморщилась проститутка. Лед помалу растаял. – Если бы ты знал, от чего отказываешься!

– Это моя потеря, и я буду долго и мучительно страдать, – картинно прижал руку к груди Васька Кот. – Так где мне найти эту мадам?

– Видишь первый поворот через площадь? – махнула рукой женщина. – Свернешь туда. А там, метров через сто, дом будет стоять, двухэтажный, с высоким крыльцом. Он один в округе такой, в нем свет в каждом окошке горит.

– Вы очень любезны, мадам, – слегка приподнял кепку Васька Кот. – Очень жаль, что наше знакомство было столь кратковременным.

– А то заглядывай на обратном пути, – хрипло крикнула проститутка, – если в живых останешься, – добавила она и неприятно захохотала.

Васька Кот невольно содрогнулся от мрачного пророчества, но с дороги не свернул.

И впрямь метров через сто показался высокий двухэтажный дом. Ярко освещенный, он выглядел почти дворцом среди покосившихся хибар. У самого входа, подпирая плечиком косяк, стоял шкет и очень картинно покуривал.

– Мадам Трегубова дома? – уверенно спросил Васька Кот, стараясь держаться уверенно. Он хорошо понимал, что любой его жест и любое слово будут впоследствии тщательно анализироваться.

Шкет вынул изо рта папироску и придирчиво осмотрел подошедшего.

– А ты кто такой будешь? – поинтересовался он безо всякого почтения.

– Скажи мадам, что к ней жиган из Питера по очень важному делу.

Шкет внимательно всмотрелся в гостя. Парень одет с изыском: модное пальто с широким воротником, даже в темноте заметно, что брюки идеально отглажены. Шею прикрывает белый пижонский шарф.

Залетный гость внушал уважение. На громилу не потянет, комплекция хиловатая, да и взгляд лисий. Но то, что жиганских кровей, – это точно!

– Вот тебе гривенник за расторопность, – подбросил Васька Кот монету. Сверкнув, она мгновенно спряталась в быстрой ладошке шкета.

– Щас я, мигом! – повеселел малец и юркнул в дверь.

Территория перед дворцом мадам Трегубовой выглядела ухоженной, куч мусора, которые тут повсюду, не видать. Хозяйка заботилась о чистоте. Оно и понятно: как-никак почти административное здание Хитровки! Неожиданно Васька Кот почувствовал чье-то враждебное присутствие и, повернувшись, внутренне поежился: прямо из-за угла дома на него уставились чьи-то глаза. Взгляд был каким-то зловещим, так смотреть может только голодная сова, ищущая в ночи жертву. Приглядевшись, Васька разобрал большую голову, обмотанную какими-то нелепыми лохмотьями. Невольно он подумал, что обратная дорога неблизка, и неизвестно, как сложилась бы его участь, не будь он гостем известной здесь мадам.

Васька Кот уже начал слегка скучать, когда дверь наконец открылась и на порог чертом из табакерки выскочил шкет.

– Иди, ждет тебя мадам Трегубова, – протянул малец, поигрывая дареным гривенником.

Васька поднялся по ступеням и уверенно распахнул дверь. В лицо ударил яркий свет, на несколько секунд ослепив его. Пройдя по узкому коридору, Кот вошел в комнату и увидел расположившихся на диване темноволосого молодого мужчину и белокурую женщину.

Мужчина был явный жиган. Лет тридцати пяти, не больше, чернявый, в косоворотке и темно-синих брюках, он сидел расслабленно, забросив мускулистые руки на спинку дивана. Женщина выглядела чуть постарше его, с заметными следами увядания на лице, но еще по-прежнему оставалась привлекательной. Одета она была в дорогое шелковое платье. На каждом пальце сверкало по золотому кольцу. На шее переливалось тяжелое жемчужное ожерелье. Она очень хорошо смотрелась рядом с молодым жиганом.

– Мое почтение, господа, – широко заулыбался Васька Кот, откровенно разглядывая женщину. Ее грудь выглядела весьма привлекательной, соблазнительно колыхаясь при каждом движении мадам.

– Здорово, коли не шутишь, – оскалился жиган, показав пожелтевшие зубы.

– Так ты, значит, и есть питерский? – спросила мадам.

Голос у нее был низковатым, с хрипотцой. Явно подпорчен разными удовольствиями жизни.

– Он самый, – протянул Васька Кот и без приглашения уселся на крепкий сосновый табурет, до доска обтертый многочисленными задницами клиентов.

Васька Кот гордился своим питерским выговором, хотя родом был из Петергофа.

– Как тебя звать-величать? – спросил мужчина, пристально разглядывая гостя.

– Васька Кот, может, слыхали? В своем городе я человек известный.

– Из жиганов?

– А то! – не без гордости отозвался Васька. – Уже четвертый год пошел, как жиганствую.

– Есть у меня в Питере кореша, и сам я не однажды к вам наведывался, но о тебе, признаюсь, не слышал, – губы мужчины скривились в ухмылке.

– Хм... А может, вы слышали о том, как в прошлом году на Невском ювелирный взяли?

– Это еврея Лившица? – оживленно уточнил жиган, посуровев.

– Да нет, друг, ты ошибаешься... Еврея, конечно, но не Лившица. Шварц его фамилия!

Чернявый искренне расхохотался, вздернув острый подбородок. Женщина лишь сдержанно улыбнулась.

– Ну, подзабыл я малость, – смеясь, отвечал жиган, – всего-то и не упомнишь. А про дельце это я слышал, – протянул он восторженно. – В газетах писали, что вы хапнули тогда сто пятьдесят тысяч.

– Правильно уркаганы делают, что газет не читают, – безнадежно махнул рукой Васька Кот. – В газетах все врут! Ты добавь к этой цифре еще нолик и небольшой хвостик, тогда поймешь, сколько мы хапнули.

Глаза темноволосого блеснули. Цифра весьма впечатляла.

– И где же это все? На такие деньги можно всю жизнь неплохо хавать.

Васька Кот неожиданно расхохотался:

– Вот мы все и схавали!

– Это как? – округлил глаза темноволосый жиган.

– А вот так! – радостно воскликнул Васька Кот. – За год все спустили, в стирки проиграли да на барышень промотали!

– Не хило!

– Зато есть что вспомнить, – сощурился Кот.

– Да, ювелирный магазин дело серьезное...

– Это точно, – согласился Васька. – Чека потом весь Питер перевернула, многих блатных после этого позакрывали. Но ничего, обошлось... На верной малине с месяц отлеживались, прежде чем на заслуженный рубль водки купили.

– Ладно, – темноволосый слегка кивнул, давая понять, что вступительная часть беседы закончилась. – Вижу, что ты любишь жить на широкую ногу. Это по-нашему! Меня Константином зовут, Костя Фомич.

Васька Кот дружелюбно заулыбался:

– Слыхал... Это ведь ты артельщиков с Пыжевского переулка в прошлом месяце гоп-стопом сделал?

– Верно, моя работа, – губы темноволосого разошлись в располагающей улыбке. – Видишь, Елизавета, – посмотрел жиган на тетку, которая продолжала смотреть на гостя с недоверием, – слава обо мне до самого Питера докатилась.

Лицо мадам Трегубовой заметно подобрело. Глядя на повеселевшую женщину, нетрудно было догадаться, что хозяйка Хитровки в отсутствие Горыныча не скучает...

– Да уж вижу, – шутейно взъерошила она ладонью волосы на макушке Кости Фомича.

– Только без мокрого дела не обошлось, – как бы посетовал на брак в работе Константин. – Один артельщик заупрямился... Ну, его и пришлось ломиком успокоить.

Свое прозвище Константин получил за привычку таскать с собой на дело ломик, который именовался в простонародье фомичом. Этим инструментом он взламывал замки, но при случае мог применить его и как оружие.

– Бывает, – безмятежно отвечал Васька Кот, как если бы речь зашла об опрокинутом стакане с чаем.

– А вот это наша хозяйюшка, – с нежностью в голосе протянул Костя Фомич. – Прошу любить и жаловать, Елизавета Михайловна Трегубова собственной персоной.

– Да ладно тебе, – отмахнулась ладошкой польщенная женщина.

– Прошу прощения, – сделался серьезным Костя Фомич. – Любить ее уже есть кому, – рука жигана воровато скользнула по бедру Елизаветы и тотчас убралась восвояси. – Любить ее есть кому, а вот жаловать придется.

Мадам Трегубова смущенно хихикнула, на мгновение превратившись в несмышленную гимназистку, застигнутую строгой директрисой в табачной лавке. Наваждение продолжалось недолго, уже через минуту Елизавета Михайловна превратилась в хозяйку малины, волевою и жесткую.

– Так про какое денежное дело ты хотел с нами потолковать? – по-деловому осведомилась Трегубова.

Где-то в дальних комнатах послышалась отчетливая брань, раздался звук разбитой посуды. Наверное, шла крупная карточная игра, а стало быть, без поножовщины не обойтись. Но Трегубова сидела не шевелясь, всем своим видом давая понять, что жиганы народ взрослый и уж как-нибудь между собой разберутся.

Все стихло, как и началось, видно, громилы утихомирили строптивца. А утром на одной из улочек Хитровки наверняка отыщется неопознанный труп, и вряд ли уголовку заинтересует еще один безымянный бродяга.

Ваське Коту сделалось немного не по себе. Улыбнувшись через силу, он заговорил беспечно, поигрывая золотой цепочкой:

– Об Макаре Хряще слышали?

– Кто же о нем не слыхал? – удивился Костя Фомич. – Хрящ – это фигура! За ним много удачных дел. Ювелирную лавку на Невском тоже, наверное, он брал? – жиган испытующе посмотрел на гостя.

– Верно. Не обошлось без него. Хрящ – это голова. На прошлой неделе железнодорожные кассы мы с ним взяли, тоже немало перепало. Так что будет на какие деньги нашим барышням подарки покупать. А вот это тебе, хозяйшечка, – Васька Кот вложил в ладонь мадам Трегубовой золотую цепочку с кулоном.

– Ой, какая прелесть! – восторженно выдохнула Елизавета Михайловна, рассматривая крупный бриллиант.

Теперь она напоминала восторженную гимназистку, не успевшую наиграться куклами.

– Я рад, мадам, что безделица вам понравилась, но Хрящ наказал мне передать вам, что туда, куда он хочет отправиться, таких цепочек с камушками наберется не одна дюжина.

От Васьки Кота не укрылось, как коротко переглянулись между собой Фомич и Трегубова. В глазах у мадам вспыхнула самая настоящая алчность.

– И где же это такое знатное место отыскалось? Ты бы поделился с нами.

Васька Кот щелкнул языком, скрестил на груди руки и произнес:

– А вот этого, Елизавета Михайловна, я вам сказать не могу. Не велено!

– Что же это я! – неожиданно вскочила мадам Трегубова. – Такой важный гость из Питера приехал, а я даже четвертую на стол не выставила.

Елизавета Михайловна уверенно протопала к буфету, и Васька Кот отметил, что, несмотря на возраст, женщина сумела сохранить стройность. Если представится удобный случай, так можно и согрешить с уважаемой мадам.

– Вот она, водочка, – заботливо протерла Трегубова бутылку, – с белой головкой, моя любимая, – ласково напевала она, как если бы укачивала разревевшегося ребенка. – Что же ты, Константин, сидишь? – с укором обратилась она к Фомичу. – Помог бы барышне стаканы достать. Что же о нас гость питерский подумает, если мы его не угостим как следует.

Уже через минуту на стол была выставлена селедочка с лучком, на отдельной тарелке лежала колбаса, аккуратной горкой возвышались ломти хлеба, исходила паром картошка в мундире.

Василий обратил внимание на то, что мадам Трегубова не спрятала золотую цепочку в шкатулку, а в знак особого уважения к гостю повесила ее на шее.

– Значит, дело верное? – вновь подступила Елизавета Михайловна после того, как гость опрокинул в себя первый стакан водки.

Водка зажгла огонь где-то под ребрами, и Васька Кот с полминуты колотил кулаком в грудь, отправляя полымя по назначению.

– А то! – радостно воскликнул он, почувствовав облегчение. – Добра там, как икринок вот в этой рыбине, – ткнул он в блюдо с селедкой.

– Неужто? – восторженно ахнула мадам Трегубова.

Селедка оказалась пересоленной. Васька Кот поморщился, но отказываться не стал, зажевал кусок с костями. С тоской подумал о том, что на весь остаток ночи обречен на жажду, но поделаться с собой ничего не мог, – селедку он обожал.

– Золота там, что в царской казне! – убежденно воскликнул жиган. Сдержанно помолчав, добавил: – До того, как ее большевики не разграбили.

– Вот как! – выдохнула Трегубова. – И что же это он, без нашей помощи не может справиться?

– Дело очень трудное, нам двоим его не вытянуть, – честно признался Васька Кот. – А потом, кому это понравится, когда залетные жиганы в твоих угодьях шуруют. Если пришел в чужой дом, будь добр, спроси разрешения, прежде чем за столом устроиться.

– Верно! – встрепенулся Костя Фомич. – Золотые слова... Если бы все жиганы так же думали, как и ты.

– Тут у нас на Лиговке один щипач объявился, из пришлых, так мы ему к ногам камень привязали и нырять заставили.

– И поделом! Давай выпьем за понимание между жиганами, – предложил Фомич.

Константин взял бутылку и налил водку в стаканы ровно на три четверти. Чокнулись сдержанно, как будто опасались расколоть стекло. В этот раз водка прошла гладко, в два глотка, затушила горящие трубы и успокоилась на дне желудка. Хозяйка выставила на стол тарелку с малосолистыми огурцами, и Васька Кот почувствовал, что рот переполнился слюной.

– Господь завещал делиться, – уверенно хрустел он зеленым круглым ломтиком. – А потом там такое крупное дело, что работы на всех хватит.

– Тут до нас слухок дошел, что Хрящ склад на Мойке взял, так мануфактуру на тридцати подводах вывозили!

– Верно, было такое дело, – широко улыбался Васька Кот. – Наколка стоящая была, вот и куш хороший сорвали. – Неожиданно жиган сделался серьезным. – Только в Питере Хрящу больше не жить, со всех сторон легавые теснят. Уже не одну малину разорили. Несколько дней мы с ним за городом отлеживались, у одного верного человека, а потом на перекладных к вам в Москву перебрались. Москва – город большой, здесь всегда можно затеряться.

Васька Кот внимательно присмотрелся к Трегубовой. После двух стаканов водки она смотрелась очень даже прилично. И, что особенно приятно, в ее теле, разогретом градусами, явно проснулось желание. Дважды, словно бы случайно, она похотливой кошечкой потерлась о его колено, и Кот, улучив момент, погладил под столом ее крепкое бедро. Мадам Трегубова вида не подала, лишь украдкой бросила в его сторону значительный взгляд. И Васька Кот всерьез стал подумывать о том, что вместо намеченного борделя лучше было бы вплотную заняться хозяйкой. Но неожиданно Костя Фомич жестко спросил, мгновенно выведя Кота из благожелательного настроения:

– Ладно, водочку нашу попил, и будя, а теперь ответь нам, правда, что Хряща Чека повязала?

Васька Кот увидел холодные глаза Фомича – полное впечатление, что тот занес над его головой привычный ломик. С лица мадам Трегубовой мигом исчезла улыбка. Краснощекая баба, еще минуту назад готовая согрешить с залетным красавчиком, вдруг неожиданно превратилась в жестокую хозяйку мрачного притона.

Возникшая пауза казалась зауспокойным молчанием.

– Та-ак, – со значением протянул Васька Кот, поставив стакан на стол. – Вижу, что мне здесь не доверяют. Я-то с открытой душой... Думал, к друзьям пришел, а меня тут... Э-эх! – в сердцах рубанул рукой воздух Васька Кот.

– А ведь его почти месяц как повязали... Что же ты не отвечаешь, когда спрашивают? – сурово вопрошал Костя Фомич. – Я вот все думал, сразу тебя порешить, как только ты Хряща

упомянул, или все-таки байки твои послушать. Эй, Егорка Грош, поди сюда! – крикнул жиган, и тотчас из соседней комнаты вышел тот самый нищий, которому Кот несколько часов назад подал милостыню.

В этот раз бродяга выглядел поприличнее. Вместо рваных штанов вполне приличные галифе темно-серого цвета, на плечах – выпцветшая гимнастерка. Но рожа разбойная, как прежде, ее-то не скроешь! Он напоминал кавалериста, ушедшего в резерв и теперь вынужденного перебиваться квартирными кражами.

– Что ты там видел, Расскажи, – строго потребовал Костя Фомич.

– А чего тут рассказывать, Константин Петрович, в прошлом месяце я в Питер ездил, к своей тетушке. Да прежде на Сенной базар заскочил. А тут легавые налетели, ну и я попал в облаву... Паспорт-то при мне был. Через пару деньков выпустили. А только со мной человек один попался, который с Хрящом в больших приятелях был, не одно дело вместе обстрепали, я его еще по царской каторге знаю. Так вот он сказал, что Хряща повязали за день до облавы на одной блатхате.

Бродяга перевел взгляд на побледневшего Кота и умолк.

– Дальше говори, – потребовал Фомич.

– В тот день они вместе были, скупщика ждали, только вместо маклака легавые табуном пожаловали. Мой кореш-то успел выпрыгнуть в окно, а Хрящу не повезло, повязали.

– А что потом с твоим корешом стало, после того как его замели? – спросил Фомич.

Бродяга неожиданно воздел глаза к небу и широко, во всю грудь перекрестился.

– А неделей позже я прочитал в «Невском вестнике», что моего друга к стенке поставили. Вот так-то!

– Да уж, с этим они не тянут. Так что же ты нам пропоешь на это... гость ты наш питерский? – проворковал с угрозой Костя Фомич.

Васька Кот выбрал кусок селедки пожирнее и отправил его в рот. Кто знает, что там будет через минуту, а тут хоть поешь досыта. После чего запил ее водкой, удовлетворенно крикнув, и сказал, поставив стакан на стол:

– Знаю, о ком говоришь. Это Мишка Рыжий. Он с Макаром Хрящом приятельствовал.

– Верно! – непонятно почему возликовал бродяга.

– Заткнись! – цыкнул на него Костя Фомич.

Вася Кот взял следующий кусок.

– Послушай, гость питерский, закуску заслужить надо. Прежде чем жрать, ты бы на вопрос ответил.

Кот потянулся к бутылке с водкой, но Фомич решительно отставил ее.

– Если вы такие ушлые, то должны знать, что Макар Хрящ уже на третий день после этого ноги в руки взял. Он из тех жиганов, которых ни один острог не удержит, – в интонациях Кота промелькнул почти ребяческий восторг.

– Откуда же он ушел?

– Прямо с уловки, что на Лиговке. Утек из-под конвоя! Жиганы все путем организовали, стрельбу устроили, легавых отвлекали, а он время не терял, юркнул под арку и проходными дворами выскочил на соседнюю улицу. А там его уже пролетка дожидалась. Да чего это я вам все рассказываю? Вот заявится к вам Макарка на малину, сами у него об этом и расспросите. Ты водочку-то, Фомич, пододвинул бы ко мне поближе, а то после этой селедки меня икота замучает.

На губах Константина промелькнула едва заметная усмешка, но он поставил водку перед гостем.

Не обращая на присутствующих внимания, Васька Кот взял «белоголовку» и налил себе полный стакан. Он не угощался, а священнодействовал. Пил небольшими глотками, как бы пробуя ее на вкус. Проглотив, он удовлетворенно крикнул, после чего с минуту сидел не шеве-

лясь, прислушиваясь к своим ощущениям. А хмельная водица разливалась по жилам, волнуя застоявшуюся кровь. Взяв со стола кусок хлеба, Васька щедро намазал его маслом, а поверх, отбросив всякие стеснения, уложил огромный кусок колбасы и энергично заработал челюстями.

– Ну, так что же мне сказать Макару Хрящу?

– О Хряще мы слышаны, человек он солидный, – весомо заговорила мадам Трегубова, давая понять, что она здесь старшая. – Хотелось бы переговорить с ним, может, действительно что дельное предложит.

Васька Кот поднялся:

– Ну, так я пойду. Как говорится, спасибо за хлеб да ласку. Так мы завтра заявимся с Хрящем? – перевел он взгляд на Константина Фомича.

– Приводи, коли не шутишь, – хищно улыбнулся жиган. – Посмотрим, что это за Хрящ, так ли он хорош, как о нем молва рассказывает.

– Ладно, завтра в это же время. А ваши огурчики, мадам, мне до конца жизни не позабыть, – уверил Васька, по-кошачьи прищурившись. – Да, кстати, – обернулся он у самых дверей. – А вы того... самого... меня топориком по темечку не тукнете? Уж очень не хотелось бы мне помирать в неполных двадцать пять годков.

– У вас в Питере все, что ли, такие боязливые? – неприязненно скривился Костя Фомич.

– Встречаются, – не сразу отвечал Кот, усилием воли подавив в себе заклокотавший гнев.

– Вот что, Грош, – обратилась хозяйка к бродяге, продолжавшему безмолвно стоять в углу комнаты, – проводи питерского. Да смотри там, – сурово погрозила она кулачком, – чтобы ничего дурного не стряслось. А то я вас, бродяг, знаю. Да и народ нынче по Хитровке шальной гуляет.

– Как скажешь, Елизавета Михайловна, – с готовностью отозвался бродяга, направляясь к двери.

Наверху послышалась брань. Хозяйка покосилась на Фомича и сердито сказала:

– Ты бы их усмирил, Костя, они у меня там всю мебель переломают.

– Не беспокойся, хозяйка, – успокоил Фомич, энергично похрустывая огурчиком, – если чего поломают, так из их доли дербанем.

Васька Кот распахнул дверь. Его встретил все тот же непроницаемый мрак. С улицы дохнуло какой-то прелой кислятиной, и он невольно поморщился.

– Ты бы поберегся, здесь ступенька крутая, – предупредительно сообщил Грош. И когда Кот выбрался на ровную дорогу, продолжил: – Прямо иди вон до того здания, что углом на площадь выпирает. А оттуда направо иди, прямо на башенку, никуда не сворачивая, да под ноги смотри, а то в яму свалишься. Я за тобой отсюда смотреть буду.

– А меня случайно не того? – недоверчиво посмотрел Кот на Гроша.

– Не посмеют, – отмахнулся бродяга. – Здесь вести у нас быстро распространяются. Ты едва на крыльцо ступил, а уже вся Хитровка знала о том, что к мадам Трегубовой важный гость появился.

– Ну ладно, ежели так, – слегка успокоился Василий, – тогда до скорого!

– Барин, а ведь ты позабыл кое-что, – жалостливо протянул Егорка Грош.

Васька Кот вновь узнал бродягу с бульвара.

– Чего тебе?

– Серебро бы мне за беспокойство.

Васька порылся в кармане и, не оборачиваясь, презрительно швырнул через плечо гривенник. Услышал, как монета звонко ударилась о камень и забилась мелкой дробью в истерике.

– Уж лучше бы ты с кистенем на большую дорогу вышел, чем копейки у прохожих сшибать.

Крякнул натужно Грош, видно, наклоняясь за подачкой, и сдавленно ответил:

– Каждому свое, барин.

А Васька Кот, уже убыстряя шаги, направился в сторону Яузского бульвара, бодро стуча в ночи подковками ботинок.

Глава 2

ПИТЕРСКИЕ ЛЮБЯТ ЗОЛОТО

Срочную депешу принес молодой красноармеец. Протянув пакет, скрепленный тремя сургучными печатями, он лихо козырнул и, четко развернувшись на сто восемьдесят градусов, шагнул к двери.

Обычно срочные депешки Кравчук получал телеграммой. В этот раз ее принес посыльный. Случилось что-то серьезное.

Кравчук повертел пакет в руках. Попробовал его на вес. Тяжеловат. Одних только печатей едва ли не на целый фунт. Непонятно, от кого. Но дело, по всей видимости, очень важное. Надорвав краешек, он разочарованно вытащил небольшой листок бумаги. Развернул. И тут же его взгляд споткнулся о размашистую подпись председателя Всероссийской чрезвычайной комиссии. Глаза быстро пробежали по коротеньким строчкам: «Уведомляю. Начальником Московского уголовного розыска назначаю т. Сарычева И. Т. К 20 апреля подготовить ему квартиру для проживания, желательно вблизи Лубянки. Нарком внутренних дел Дзержинский Ф. Э.».

Дзержинский мог позвонить по телефону и лично отдать распоряжение, но этого не произошло. Председатель ВЧК отправил депешу. Так он поступал всегда, когда дело было исключительной важности. На это же обстоятельство указывало и то, что принес ее не обычный рассыльный, довольствовавшийся казенным пайком, а человек служивый, при оружии.

Подобрать квартиру вблизи Лубянки было непросто. Самому Кравчуку приходилось минут тридцать трястись на трамвае. Правда, его часто возил Степаныч на служебном автомобиле. А многие рядовые сотрудники и вовсе проживали на московских окраинах, добираясь до места службы на перекладных.

Ладно, решим! Близ Лубянки еще предостаточно проживает буржуев, так что кому-нибудь из них придется поменять место жительства.

Еще сегодня утром Кравчук полагал, что его могут оставить в должности начальника Московского уголовного розыска, как-никак за последние два месяца разгул преступности в городе удалось заметно сбить. Но, видно, не суждено, наверху посчитали по-другому. Поскребло немного в душе, да и отпустило. Придется расставаться с кабинетом, к которому он уже успел привыкнуть.

Хотя у Кравчука и теплилась надежда, что со временем приставка «исполняющий обязанности» отпадет сама собой, но трудно было не согласиться с тем, что фигура Сарычева будет помасштабнее. И, собственно, не было ничего удивительного в том, что сам Дзержинский занялся его назначением. Только за последние полгода Сарычев сумел ликвидировать четыре крупные банды, не считая множества мелких, и, как рассказывают, едва ли не в каждой малине он имел своих людей, успешно подрывавших авторитет главарей. В результате многие банды рассыпались сами собой. Знающие люди говорили, что характер у Сарычева крутой и даже к самым незначительным возражениям он относился как к личным оскорблениям. Как бы там ни было, но Сарычев был почти легендой, и Кравчук всерьез заволновался: а сумеет ли он сам сработаться с новым начальством?

В первую очередь Сарычев наверняка потребует подробнейшего отчета о криминальной обстановке в городе. А она, прямо надо сказать, далеко не блестящая, хотя сдвиги в положительную сторону явно обозначились. Десять дней назад был ограблен и убит ювелир Соколов. Что самое ужасное, налетчики не пожалели даже малолетних детей, истыкав их кинжалами. А в прошлую пятницу у себя на даче был застрелен директор ресторана «Новая жизнь». Грабители поживились на сумму примерно в полтора миллиона рублей. По агентурным данным, в обоих налетах участвовала банда жигана Кирияна, отличавшаяся особой жестокостью.

Свидетелей он, как правило, не оставлял, а потому зацепить его было трудно. Был момент, когда Кравчуку казалось, что он подобрался к главарю особенно близко. Он даже разрабатывал план его захвата, но агент, внедренный в банду Кравчука, вдруг перестал выходить на связь. А несколькими днями позже в приемной Лубянки был оставлен обыкновенный холщовый мешок, в котором обнаружилась голова пропавшего агента. При ней была найдена записка: «Так будем поступать с каждым легавым».

А буквально пару дней назад была вырезана семья часового мастера с Большой Дмитровки. Тут уже действовал не жиган Кирьян, а уркаган Петя Кроха, прозванный столь ласково за свой немалый рост. В криминальном мире он был личностью известной, в первый раз попал на каторгу за грабеж еще при Николае Втором. После этого он был судим еще семь раз, а в предпоследний раз сумел убежать из тюрьмы.

Уркаганы с жиганами не ладили.

Уркачи считали себя носителями воровской идеи. Почти каждый из них побывал на царской каторге, был знаком с арестантскими ротами, где издавна существовали свои традиции. За уркаганами была едва ли не многовековая школа разбоя с отлаженным до мелочей рынком сбыта. Жиганы были явлением новым и во многом непонятным. В жиганы попадала самая разношерстная публика: от разорившихся нэпманов до бывших красноармейцев. И поди догадайся, кто он – не то анархист, у которого мозги набекрень от многочисленных революций, не то «идейный» жулик. Если на воле уркаганы с жиганами как-то еще находили общий язык, разделив по справедливости сферы влияния, то в неволе они глушили друг друга с невероятной изощренностью.

Два месяца назад Кравчуку удалось столкнуть между собой банду уркаганов и шайку жиганов. Через своего агента он дал наводку уркаганам о том, что в одной швейной мастерской лежит несколько тонн мануфактуры. Эту же информацию другой агент сообщил и жиганам, которые оказались пооборотистее и сумели увести жирный кусок из-под носа урок. И пока банды резали друг друга, мануфактуру удалось перехватить и переправить в надежное место.

Эту операцию Кравчук считал наиболее удачной, – чем ожесточеннее будет резня между преступниками, тем меньше работы придется выполнять уголовному розыску.

Ближе к обеду Кравчук созвал личный состав к себе в кабинет. Оперативниками работала в основном молодежь, еще не успевшая скинуть с себя солдатских шинелей. Опыта у парней было маловато, зато его недостаток сполна компенсировался неимоверным рвением. В сущности, они были еще мальчишками, им лишь бы побегать по дворам да по чердакам да попать вдоволь из наганов.

Но дисциплину знают и приказы выполнять умеют.

С минуту Кравчук молчал, постукивая карандашом по столу да разглядывая молодые, но серьезные лица своих подчиненных, а потом негромко заговорил:

– Сегодня утром я получил депешу... от товарища Дзержинского. Назначен новый начальник уголовного розыска, – как ни всматривался Кравчук, но недоумения на лицах сотрудников не обнаружил. Впрочем, какое им дело, кто займет командирское место. Парни терпеливо тянут свою ляжку. Им совершенно нет никакого дела до карьерного роста своего непосредственного начальника. Любое назначение они воспримут как данность. С таким же безразличием они отнесутся к наступившим сумеркам или к морозящему дождю. – Это товарищ Сарычев. Сам он из Питера, боевой, очень грамотный товарищ. В Питере о нем легенды ходят. Думаю, что и здесь он окажется на своем месте.

– Когда он должен прибыть?

Вопрос задал оперуполномоченный Петр Замаров, худощавый, жилистый парень. Замаров – парень любознательный, за его плечами четыре класса гимназии, по существу, он считался едва ли не самым образованным человеком в их команде. Его бы двигать дальше, да мешает происхождение – из дворян, да еще каких-то древних...

– Со дня на день... Если не завтра, так уж послезавтра – это наверняка. Вопросы еще есть, товарищи?

– А кто будет его заместителем? Кравчук перевел взгляд. Спрашивал Кондрашов, один из самых опытных оперов. Кравчук постарался сохранить невозмутимость.

– Мне сложно говорить об этом. Но, судя по положению дел, скорее всего заместителем останусь я. – Он посмотрел на часы, давая понять, что время ограничено, и твердо произнес:

– А теперь давайте за работу, товарищи.

Хватит на сегодня неприятных вопросов.

* * *

– А не боишься? – неожиданно спросила Елизавета, повернувшись к Фомичу.

В комнате горела свеча, отчего лицо мадам Трегубовой показалось ему зловещим, будто и не с бабой лежал, а под боком у лешахи грелся. На секунду Фомича пробрал самый настоящий страх. На Хитровке рассказывали, что лет десять назад Елизавета Михайловна держала комнаты для богатеньких постояльцев и порой после обильного ужина многих из них приходилось нести на погост. Так что попробуй разберись, какие черные мысли бродят в ее ухоженной головушке.

– О чем ты?

– А вдруг Горыныч узнает о том, что ты ко мне стал захаживать?

– А-а, – протянул Фомич, от души отлегло. – Не боюсь! В Чека стены крепкие. А потом он и сам понимание имеет – не может баба без ласки жить. Ведь кто-то ее утешать должен.

Костя Фомич выразительно поглядел на обнаженную Трегубову и довольно прищелкнул языком. Конечно, на лице заметны следы увядания, но вот тело по-прежнему аппетитное, как свежее выпеченная булка.

– Да ну тебя! – прыснула Елизавета Михайловна, махнув ладошкой. – Ты такого наговоришь.

Что удивительно, но внешнее увядание никак не отражалось на ее желаниях. После каждой ночи, проведенной в объятиях мадам Трегубовой, Фомич чувствовал себя выжатым как лимон.

– Ты мне вот что, Лизонька, скажи, как тебе этот Васька Кот? Ты человека с одного взгляда определяешь.

– Он тебе не понравился?

– Не то чтобы не понравился, просто я осторожный стал, – без лукавства отвечал Фомич. – Уж слишком близко чекисты стали около нас топтаться. Взять хотя бы моих пацанов. Все один к одному, как зернышки в амбаре. А тем не менее все-таки один поганец выискался, легавым стучал на нас. А ведь я его не первый год знал, видно, фараоны на чем-то его прищучили.

– Как же ты догадался?

– Один из наших его в скверике увидел с Кравчуком, гнидой этой. Сидят себе, как два голубка, и воркуют. Это они, конечно, маху дали, вот так-то, на виду, встречаться. А может, нарочно...

– И что же ты с ним сделал? – живо поинтересовалась мадам Трегубова.

– А чего еще с этой гнилью делать-то? – удивился Фомич. – Водки ему предложил. А как он бутылку стал открывать, так я зашел сзади и обухом топора ему по темечку и саданул. Даже перед смертью гаденыш напакостил, – не на шутку закручинился Костя Фомич. – Бутылка из его рук выпала и об угол!.. Разбил, падаль!.. – Жиган помолчал немного, после чего продолжил все тем же ровным тоном: – Потом мы сволокли его на Ходынку, да там в яму и сбросили.

– Надо было порасспросить его как следует, может, сказал бы что путное.

– Надо было... да уж больно зол я был, – отмахнулся Фомич. – Так что ты об этом пацанчике-то думаешь? Уж больно он шустер!

– Это точно, – улыбнулась мадам Трегубова, вспомнив, как шаловливые пальчики Кота украдкой подбирались к ее прелестям. – Но он жиган! Самый что ни на есть. Такое не укроешь, поверь моему бабьему чутью. А я уж на своем веку насмотрелась их немало.

– Что-то глаза у него нехорошо блестели, – осторожно высказал сомнение Константин.

– О выгодном дельце говорил, вот и глазенки блестели, – уверила его Елизавета. – Ты видел, какую он мне цепочку подарил?

– Ну, – неопределенно хмыкнул жиган.

– А то! – обиделась Елизавета Михайловна на его безразличный тон. – На цепочке бриллиант знаешь на сколько потянул? – глаза мадам возбужденно сверкнули.

– Ну? – вяло отреагировал Константин, рассеянно погладив женщину по обнаженному бедру. Уж камнями-то его не удивишь.

– Баранки гну! – передразнила Елизавета Михайловна. – На пятьдесят тыщ!

– Да иди ты! – искренне восхитился Константин, встрепенувшись. – Это какой же тогда камень должен быть, с кулак, что ли?

– Во какой! Почти с ноготь, – показала мадам Трегубова. – Такой жиган, как Хрящ, просто так суетиться не станет. Значит, действительно на кону большие деньги.

Пламя свечи от дыхания мадам Трегубовой слегка колыхнулось, отчего тени на ее лице сделались значительно глубже. Елизавета умела убеждать, и Костя Фомич всегда доверял ее интуиции.

– Ладно, посмотрим, что нам сам Хрящ напоеет, – она придвинулась к Фомичу. – Ну что же ты как неживой, – укорила Елизавета Михайловна. – Или барышню согреть не желаешь?

Константин невольно сглотнул.

– Ты бы это... раскинулась, что ли. – Его широкая, жестковатая ладонь опустилась на ее живот и медленно поползла вниз.

– Дай подушку, под спину подложу, – пожелала Елизавета Михайловна, – а то ты, охальник, помял меня всю. А ведь я тебе, чай, не перина какая-нибудь.

Она сграбастала подушку и, приподнявшись, сунула ее под себя.

– Господи, касатик ты мой, – ее руки потянулись к самому лицу Фомича, – кто бы мог подумать, что в таком тощем теле столько силы может прятаться.

Константин слегка отстранился, оценивая новый предложенный ею ракурс, а потом, осторожно приладившись, вошел в разнеженную Елизавету.

Она ждала его.

* * *

На углу у Петропавловского переулка Макар Хрящ остановился. Вытащил из жилета золотые часы и, щелкнув крышкой, посмотрел на стрелки. Без пяти минут девять. Время не позднее, но уже стемнело, как и положено ранней весной.

– Сказал им, что дело денежное?

– Все путем, Макар, сказал так, как надо. Ты же человек серьезный, разве стал бы на какие-нибудь мелкие пятаки размениваться!

– Верно! – охотно согласился Хрящ, закуривая.

За следующим поворотом – Хитровка. Нерадивое дитя столицы. Как-то она встретит его?

– О тебе они слышали. Не терпится поближе познакомиться с тобой.

Макар довольно хмыкнул:

– Кто же о Хряще не слыхал. Что у них за дом?

Васька Кот достал серебряный портсигар и ловким движением выудил папироску.

– Обыкновенный, – чуть пожал он плечом, – двухэтажный. Стоит среди проходных дворов. Народец вокруг крутится – в основном жиганы. Там же картишками забавляются, туда же и барахлишко свозят. А вот как им мадам Трегубова распоряжается – неизвестно. Из нее это и клещами не вытянешь.

Хрящ затаился и выдохнул вместе с дымом:

– А чего тут предполагать? На рынке сбывает. Хитровка да Сухаревка. Бабенка она тертая, не первый год в деле, так что связи налажены. Уркачи с жиганами ей доверяют, к ее мнению прислушиваются. Тертая баба! Каждого насквозь видит. Ну да ладно, пойдем, – отшвырнул в сторону недокуренную папиросу Хрящ, – чего прохлаждаться, – и хлопнул ладонью по карману пальто, в котором наган.

– А вот и дом мадам Трегубовой! – воскликнул Васька Кот, когда, поплутав по хитрым закоулкам, они вышли к двухэтажному дому. С торца здания горела красная лампа, здесь же топталась группа хитрованцев в изрядном подпитии и громко делилась впечатлениями прожитого дня. В этой половине дома содержались барышни, а Елизавета Михайловна выполняла при них роль заботливой мамки.

Мимо ее рта не проплывала ни одна копейка.

У высокого крыльца отирается все тот же шкет – не то посыльный, не то соглядатай. Шкет коротко свистнул, и тотчас из темноты материализовались две фигуры. Во мраке они выглядели необыкновенно высокими, и казалось, что макушками подпирают крышу дома.

– Куда вы, бродяги? – спросил один из них, сверкнув упыриной улыбкой.

– К Елизавете Михайловне, – твердо ответил Макар.

– Хрящ, что ли? – спросил другой, и в голосе бродяги послышались уважительные нотки.

– Он самый, – жестко произнес Макар.

– Ждет тебя мадам Трегубова, – протянул бродяга и, посмотрев на Ваську Кота, добавил: – Что-то ты зачистил в наши края.

– Нужда имеется, братец, – просто отозвался Кот, узнавая в вурдалаке недавнего попрошайку. – Вижу, что я в тебе ошибался, Грош. При случае ты и придушить можешь.

– Это как дьявол надоумит, – честно сознался бродяга.

– Хорош лясы точить, почапали, – грубовато осадил бродягу Макар. – Нас дело дожидается.

– Строгий твой дружок, – уважительно произнес им в спину Грош. – Настоящего жигана с одного взгляда видно.

Неожиданно дверь отворилась, и на пороге предстала Елизавета Михайловна. Сурово посмотрев на гостей, она строго спросила:

– Уж не ко мне ли?

– К тебе, Лизавета Михална, – вышел из-за спины Хряща Васька Кот.

Мадам Трегубова лишь мазнула по нему взглядом и обратилась к Макару:

– Как звать?

Хрящ усмехнулся, но отвечал достойно:

– Хрящ я... Сурова ты, барышня. Я к тебе по делу явился, а ты мне допросы устраиваешь, словно на Лубянке.

– А что, приходилось на Лубянке бывать? – неожиданно спросила женщина.

Хрящ выдержал ее пытливый взгляд. А потом ответил с усмешкой:

– Всяко бывало... Сначала бы в дом пригласила, по сто граммов за знакомство бы выпили, а там, глядишь, и о деле бы потолковали. Все-таки не из соседнего переуллка я к вам заявился, – укорил ее Макар.

– Проходи... гость любезный. Давайте вот сюда. – Она повела их в дальнюю комнату. – Здесь у меня попрличнее. – И когда Хрящ вошел, она с интересом всмотрелась в него. – Хм... Вот ты какой!

– Я знаю, что тебя здесь по имени-отчеству величают. Ты уж меня извини, я тебя просто звать буду... Не из графьев мы, так что обиды быть не должно. А вот это тебе мой презентик небольшой, – Хрящ вытащил из кармана кольцо из изумрудов.

– Ой, господи! – всплеснула женщина руками, показав нешуточный восторг. – Да оно тысяч на триста потянет.

– Дурочка ты! – ласково обронил Макар. – Ты сюда посмотри! Сюда! – показал он на замок. – Ну, что там увидела?

– Рисунки какой-то.

– У вас на Хитровке все такие простые? – искренне подивился Хрящ. – Герб это императорский. Это кольцо сама Екатерина Великая носила!

– Неужто?! – выдохнула потрясенная Елизавета Михайловна, снова всплеснув руками.

– Вот тебе и «неужто»! – передразнил жиган.

– Где же ты взял такую красоту? – Пальцы женщины трепетно перебирали прозрачные зеленоватые камешки. – Это надо же... когда-то сама царица носила, а теперь я буду. – Она беззастенчиво приладила кольцо к шее, покружившись перед зеркалом. – Откуда же такую красоту берут?

Макар невольно хмыкнул. Таких вопросов задавать не полагалось, за такое и голову оторвать можно. Придется списать на обыкновенное женское любопытство.

– У нас на Сенном базаре толкали, – весело произнес Хрящ. – Смотрю, мужик орехи продает. А я его возьми да спроси, у тебя случайно не будет какой-нибудь вещицы, что императрица носила. Он тут же достает из кармана эти побрякушки и говорит: «Тебе такие камешки подойдут?» А я ему пятак медный впарил, на том и расстались.

Елизавета громко расхохоталась. Питерца ей нравился все больше.

– Ох, заливаешь!

– Соловей заливает, – поправил Хрящ, – а я чистую правду говорю.

– Веселый ты, однако.

– А у нас в Питере все такие.

Хрящ чувствовал себя раскованно. Снял драповое пальто, бережно повесил его в прихожей. Одет он был весьма прилично, даже с некоторым изыском. Ботинки, несмотря на слякоть, были начищенными едва ли не до зеркального блеска. На правой ладони выколот большой якорь. Моряк?.. А может быть, и нет. Такие татуировки в последнее время стали появляться и у жиганов. Во внешности гостя не было ничего настораживающего. Он вел себя так, как будто бы находился не в притоне, а в матросском кубрике.

Уверенно, не дожидаясь приглашения, устроился за столом, а рядом расположился Вася Кот. На фоне широкоплечего и колоритного Хряща Кот выглядел всего лишь бесцветной тенью.

– Чем угощать будешь, хозяйюшка? – доброжелательно поинтересовался Хрящ. – А то без доброй выпивки и разговор-то не заладится.

– Первач! – торжественно выставила на стол огромную бутылку Елизавета Михайловна. – Ты не смотри, что он такой мутный, по мозгам так бьет, что забудешь, где сидел.

– У меня мозги не отобьет, – уверил ее Хрящ, – котелок проверенный. А ты не жадничай, лей до самых краев. Да вот еще что, мадам, ты бы колбаски порезала да салыца. Под хорошую выпивку и закуска должна быть соответствующей.

– Это верно! – засуетилась Трегубова, нарезаая вареную колбасу огромными кусками.

– А ты бы, хозяйюшка, присела. С такой дамой сало только слаще будет. А то бы на коленках устроилась, – ухватил Хрящ женщину за талию, – глядишь, помягче было бы!

– Да ну тебя, – отмахнулась майданщица. – Вы все, что ли, моряки, такие приставучие?

– А про море ты откуда знаешь? – удивился Макар, хватив первый стакан первача. Лицо его перекосила сладостная мука.

– У тебя на руке якорь выколот.

– Ах, это, – протянул Хрящ. – Вижу, что ты баба не только ядреная, но еще и глазастая. Верно, на флоте служил. Эх, давно это было, – в его голосе послышалась непонятная грусть, – но сейчас я жиган! Эх, растревожила ты мою моряцкую душу, хозяйюшка. Давай плесни-ка мне еще одну чарочку, авось полегчает!

ЗА ЧАС ДО ТОГО...

В окно Костя Фомич увидел, как к дому подошли двое. Недолго переговорили с бродягами, вышедшими из тени, и уверенно направились к крыльцу. Одного из них жиган узнал сразу – Васька Кот, узкоплечий и вертлявый, способный просочиться в любой оконный проем. Другой был чуть пониже ростом, но заметно пошире в плечах. Каждый его шаг был основательным, будто бы он пробовал землю на крепость, ожидая, что в следующую секунду она способна завертеться волчком. Даже издали было видно, что его фигура источает нешуточную силу. В его движениях ощущалась неторопливая солидность, какая присутствует у людей, привыкших к уважению.

– Кажется, пришли, – отстранился от окна Фомич. – Ты вот что, Лизавета, прощупай их пока, а я за ними из другой комнаты понаблюдаю.

– Хорошо, – отозвалась мадам Трегубова и пошла открывать дверь.

С первого взгляда в облике Хряща не было ничего подозрительного – с виду крепкий жиган, каких на Хитровке наберется целый десяток. Такие люди в деле надежны и в ментовку не сдадут. И все же уверенность, с которой вел себя гость, заставляла насторожиться.

Рядом с гостиной имелась небольшая темнушка, очень напоминающая остальные. Единственное отличие заключалось в том, что в одной из стен – сразу напротив диванчика, куда обычно усаживали гостей, – было просверлено крохотное отверстие, искусно спрятанное между букетами высушенных цветов.

Эту комнату мадам приспособила для людей, нуждавшихся в проверке, и частенько их отправляли отсюда прямоком на кладбище. Костя Фомич не однажды убеждался в том, что Елизавета Михайловна предусмотрительная особа. Она нередко отлучалась из гостиной, чтобы через потайную щель понаблюдать за малознакомыми и подозрительными людьми. Да, мадам Трегубова была непростой штучкой. О безграничных возможностях Елизаветы Михайловны слагали легенды. Практически на всех рынках Москвы она имела своих людей, которые были преданы ей, как цепные псы строгому хозяину. Елизавета Михайловна была необыкновенно богата, но никто не знал, где она прячет свои сокровища. Однажды Фомич, оставшись в одиночестве, попытался пошарить в ее комнатах и скоро убедился, что золота в них нет. Скорее всего, ее богатство находилось далеко от Хитровки, в какой-нибудь квартирке, предусмотрительно купленной рачительной хозяйюшкой. Костя Фомич слышал о том, что у Елизаветы Михайловны был налажен канал за границу, и не исключено, что большая часть золотишка уже успела осесть в зарубежных сейфах.

Фомич осторожно пробрался к стене и через отверстие заглянул в комнату. Мадам Трегубова разместила гостей на диване, под яркой лампой с оранжевым абажуром. Макар Хрящ сидел развалившись, закинув правую руку на потертую спинку. Чувствовал он себя раскованно, если не сказать больше – по-хозяйски! А блудливые зрачки его то и дело зыркали по ногам Елизаветы Михайловны да по ее склоненной талии, когда она вынимала соленья. Но самое неприятное заключалось в том, что Лиза благосклонно реагировала на заигрывание морячка.

Под ложечкой у Кости отвратительно заскребла ревность. Еще один повод, чтобы невзлюбить питерского гостя. У Фомича имелись на Елизавету определенные планы. Нельзя сказать, что мадам Трегубова была Василисой Прекрасной, но тело у нее вполне аппетитное и пребывает в большом достатке. С ней можно было встретить старость без особых хлопот, ведь не до

трухлявой же древности выходить на большую дорогу с кистенем в руках! А Лизка бабенка понимающая, и шкалик поднесет, когда захочешь, и ублажит, как полагается.

Только после морячка лакомиться ею будет не в радость!

– Баба ты, конечно, справная, и смотреть на тебя одно удовольствие, а только мне, Лизонька, хотелось бы о делах поговорить, – рука Хряща легла на ее колено.

И вновь Фомич ощутил неприязнь к пришлому, да и Лизка хороша – не отдернулась, паскуда, а даже как будто бы всем телом потянулась к бедовому жигану.

– Ну-у, ручонки-то убери, – незло сказала она, будто бы опомнившись. – И с кем бы ты хотел переговорить?

– Для моего дела люди нужны серьезные.

– А я, стало быть, несерьезная? – обиделась Елизавета Михайловна.

– Ты баба что надо во всех отношениях, – похвалил Хрящ, выставив вверх большой палец, – только ведь дальше койки с тобой не ускачешь.

– И с кем же ты хочешь поговорить?

Губы Макара на секунду поджались, он словно размышлял, а стоит ли открываться, а потом заговорил, четко выделяя каждое слово:

– Мне бы хотелось перемолвиться с Кирьяном и Степаном.

– Ишь, куда взлетел! А ты думаешь, они просто так объявятся, лишь только потому, что приехал питерский жиган и намекает на крупное дело? Они не сидят сложа руки, не тот народ! – едва ли не с гордостью произнесла Елизавета Михайловна.

Макар призадумался.

– Может быть, тогда ты мне подскажешь, как на них выйти побыстрее?

– Короче этого пути, чем моя хаза, не существует, – с достоинством произнесла мадам Трегубова.

– Вот как!

– А вот так!.. Только через меня. Ты мне растолкуй, а я ему передам. А если Кирьян не захочет встречаться с тобой, так сам ты его никогда не найдешь. Надумал?..

– Озадачила ты меня, баба.

– Так что же у тебя к нему за дельце такое, если даже не хочешь обмолвиться о нем?

– Дело большое, сразу говорю. – Хрящ посмотрел на притихшего Кота и продолжил: – Нам двоим его не вытянуть, подмога нужна.

– А что же ты питерских не взял? До нас слухи дошли, что жиганов у тебя было немало.

Макар едва заметно улыбнулся:

– Гонят по-черному, Лизонька, мало сейчас на кого положиться можно. Чекисты нас в последний месяц пощипали изрядно. Многие малины пришлось погасить. А перед самым отъездом из Питера я сам чуть на одной блатхате не спалился. Ангел-хранитель уберег.

– Как так? – делано подивилась мадам Трегубова.

Макар Хрящ взял бутыл, налил в стопарик самогон и, ни на кого не глядя, выпил одним глотком. От ядерного самогона мгновенно свело лицо, и, чтобы вернуть ему первоначальный вид, требовался большой кусок сала, это Фомич знал по собственному опыту.

Макар так и поступил – короткими толстыми пальцами взял с тарелки значительный шматок сала и бережно отправил его в рот.

Аппетитно жрал, стервец, Фомич почувствовал, как его рот неудержимо наполняется слюной, в желудке заскребло от острого приступа голода.

– А вот так, – продолжил моряк после того, как проглотил сало. – Мы тут накануне налет неплохой совершили на одну фабрику. Два мешка ассигнаций надыбали, залегли на надежную хату. Только я вздремнул, как шкет прибегает и говорит, что во двор люди какие-то идут, на легавых похожи. И едва я на чердак поднялся, как они в дверь стали ломиться. Чем закончится эта катавасия, я дожидаться не стал – залез на крышу да спустился по лестнице в проходной

двор. Больше на ту хату я не наведывался. А потом через своих жиганов узнал, что хозяин спалился, вот он меня, сучонок, и выдал, – заскрежетал зубами Хрящ. – Если его чекисты не прибьют, так я собственными руками придушу.

Ярость его была неподдельной. Фомич увидел, как сильные пальцы ухватили краешек стола, и если бы вместо скатерти в них оказалась чья-то шея, то позвонки бы хрустнули наверняка.

– А как же ты в Москве-то оказался? – продолжала допытываться Елизавета Михайловна.

– Как да как? – несколько раздраженно произнес Макар. – Тебе бы, бабонька, в уголовке служить, они любят всякие такие вопросы задавать. Что тебе ответить... Да не стал я более дожидаться, взял чемодан, уложил в него кое-какие вещички да с первым же поездом сюда приехал. А потом, тесновато мне в Питере стало, – положил он ладонь на грудь. – Душа размаха требует, вот потому я здесь.

Хрящ держался естественно. В голосе ни намек на фальшь. Так и должен был вести себя весовой жиган, оказавшийся в незнакомой обстановке. Речь достойная и понятная. Все-таки не милостыню пришел выпрашивать, а искать компаньонов на крупное дело.

Константин подумал, что он сам вел бы себя точно таким же образом.

– Значит, не хочешь говорить? – спросила Трегубова.

– Я бы сказал тебе, Лизонька, – вновь забасил Хрящ, – только к чему такой очаровательной дамочке перегружать головку подобными пустяками? Да и предназначены женщины совсем для иного, – взгляд жигана загорелся.

Елизавета Михайловна, взяв со стола пустые тарелки, встала. Прыткий Макар ловко подался вперед и потянул ее за руку, мадам, задорно пискнув, невольно опустилась на его колени.

Васька Кот залиvistо прыснул.

– Да иди ты к дьяволу! – выругалась Трегубова. Поднявшись, поправила платье. – Фактуру попортишь. Прежде чем лапать, заплатить сначала нужно.

– А ты думаешь, мы нищими сюда пришли? – обиделся жиган и, сунув руку в карман, сыпанул на стол золотых червонцев. – Так сколько же ты стоишь, барышня?

Глаза хозяйки алчно вспыхнули.

– И много у тебя такого добра?

Жиган громко расхохотался, задрав подбородок к потолку. Отсмеявшись, спросил:

– И это ты называешь добром? Это девочкам на кренделя. А о добре я бы хотел поговорить с людьми серьезными. Так долго ты будешь меня мучить ожиданием? Я ведь парень фартовый и терять понапрасну время не привык, – неожиданно насупился он, собрал со стола монеты, небрежно бросил золотую россыпь в карман. Подумав, извлек один кругляш. Сунув монету в ладонку хозяйке, обронил коротко: – Это тебе за угощение, огурчики у тебя отменные, давно не едал таковых. Ну так что, Кот, – повернулся Макар Хрящ к приятелю, – пойдем, что ли, не находим мы здесь понимания.

– Постой, постой, – ухватила за рукав морячка мадам Трегубова. – Ты такой шустрый, а ведь так быстро дела-то не решаются. Покумекать надо обстоятельно, взвесить все. – Женщина взглянула на часы и неожиданно громко сказала: – Минут через десять человечек один должен подойти, вот он тебя с Кирьяном и свяжет.

Фомич отошел от стены. Это был знак ему. У мадам Трегубовой был отличный нюх на чужаков. Месяц назад она расколола одного домушника из банды Степана, завербованного легавыми. Елизавете Михайловне достаточно было переброситься с ним всего лишь несколькими фразами, чтобы определить его истинное нутро. Опьяневший домушник даже и не подозревал, что идет очень тонкий допрос и как на его шее туго затягивается петля.

Костя Фомич достал папироску и сладко затянулся. Морячок мадам Трегубовой понравился. Это точно! Не будь свидетелей, так она непременно задрала бы юбку. Константина

охватила ярость. Он ощущал позорное бессилие. Ему никогда не удавалось подчинить себе Елизавету Михайловну. Она всегда поступала так, как считала нужным, и отдавалась тому, кого возжелала. Фомич с тоской думал о том, что если их отношения будут разворачиваться и дальше в том же направлении, то он, не дай бог, научится держать свечу во время ее совокупления с очередным фаворитом.

Нет, с этой стервой надо рвать!

Костя Фомич яростно втоптал папиросу в пол. А вот незнакомца не мешало бы прошу-пать как следует. Первачком его залить до самого горла, а там он спьяну сам все выложит как на духу. А первачок у Елизаветы Михайловны отменный, еще и не таким прытким языки развязывал. Да и картишки могут в этом поспособствовать. Для жигана карты – первое дело. А если не умеет стирки держать – значит, чужой!

Константин вышел на улицу. Расторопный шкет тут же волчком подкатил к его ногам.

– Ничего не заметил? – спросил Фомич.

– Тишина, как на кладбище, Фомич, – уверил постреленок.

– Типун тебе, – невольно выругался Константин, – ты, Сявка, за пришлыми следи, мало ли чего.

– Чужаков нынче немного, – пояснил Сявка. – Шестеро в ночлежке, а четверо в борделе у мадам Зуевой остановились.

– И что они там? – насторожился Фомич.

– Те, что в борделе? Знамо чего, – важно отвечал постреленок, – до барышень большой интерес. Мадам Зубова свеженьких девок привезла из-под Ярославля. Кому девичьего мясца попробовать не охота! – веско высказался шкет.

– А ты что, уже пробовал? – с интересом посмотрел Фомич на пацаненка.

– А то! Разве я хуже других? – обиделся подросток. – Уже год как с бабой живу.

– Сколько же тебе лет, Сявка?

Пацаненок утер пальцем влагу, выступившую под носом.

– Тринадцать. А моей бабе тридцать будет. Вот такая здоровущая, – развел он руками, – и не обхватишь. А баба она с пониманием, и накормит, и спать уложит...

– Кто же она такая?

Разговор неожиданно увлек Фомича. У него пропало ощущение, что разговаривает он с мальчишкой. Просто сошлись два мужика и накоротке решили потолковать о бабьих прелестьях.

– А она здешняя, с Хитровки, – лениво отозвался пострелец, – пирожками на базаре торгует... с капустой, – сладко проглотил он слюну. – Варькой зовут.

Константин Фомич невольно улыбнулся. Варька Капустница на Хитровке личностью была известной и специализировалась на подростках. Многие из жиганов вспоминали ее со щемящей тоской и по сей день обращались к ней не иначе, как мамка. А после удачных налетов одаривали платками и золотыми безделушками. Имея такое покровительство из бывших и вошедших в силу любовников, она чувствовала на Хитровке себя уверенно: никто не осмеливался обидеть ее даже худым словом. А если бы подобное произошло, то злыдень накликал бы на себя немилость многих жиганов и в подворотнях на улицах Хитровки еще на один неопознанный труп сделалось бы больше.

Косте Фомичу и самому удалось попробовать прелести Капустницы, и он убедился, что в искусствах любви во всей Хитровке ей нет равных! Но продолжать связь он не желал, опасаясь получить финку в бок вот от такого же сопливого ревнивца.

В последние месяцы Варька Капустница быстро стала набирать вес, и если так пойдет и дальше, то через год-два она сумеет потеснить с пьедестала непотопляемую мадам Трегубову.

– Молодец, хорошая у тебя баба, – одобрил выбор пацана Константин.

– А то! – воскликнул Сявка, оставшийся доволен похвалой авторитетного жигана. – Прежде чем Варьку разложить, мне пришлось месяца два ее охмурять. То крендель ей поднесу, то монету какую-нибудь подарю. А когда однажды срезал золотые котлы у одного захарчеванного фраера, так сразу ей в подарок принес, – не без гордости продолжал пацан. – Ну, здесь она не устояла. Пирожки свои тут же сложила, и мы с ней на хату пошли.

Костя Фомич вновь улыбнулся, представив, какой нелепой выглядела возлюбленная пара: огромная, раздобревшая на пирожках Варька и худенький подросток, едва дотягивающийся макушкой до ее увесистых грудей.

Впрочем, Хитровка – страна контрастов, здесь еще и не такие чудеса случаются.

– Ладно, что там еще заметил? – потерял интерес к похождениям мальчика Фомич.

– На малину к Федоре трое жиганов зашли. Раньше я их здесь не видел. Уркачи к ним подвалили, спросили, откель гости, а они говорят, что из Мурома.

– Точно жиганы, не легавые? – скрывая тревогу, спросил Фомич.

– Не похоже... По фене толково ботают и держаться умеют. У двоих наколки блатные. Третий постарше, говорит, на каторге чалился.

– Из уркачей к ним кто подходил?

– Степка Кривой и Гришуня Вяземский.

– Это хорошо. Они легавую породу за версту чуют. Значит, свои. А ты молодец, вот возьми за труды, – сунул Костя Фомич мальцу рубль. – Накажи своим чиграшам в оба глядеть.

– О чем речь, Фомич, – заныкал в карман рубль довольный шкет. – Будут смотреть как надо, а если что, сам глаз вырву, – кровожадно пообещал хлопчик.

Фомич довольно хмыкнул – достойная смена растет.

– Ты с бабами-то не очень, – на прощание серьезно сказал Костя Фомич.

– А что так? – удивился шалопай, чуть подвинув сползшую на глаза кепку.

– Воровать разучишься, если всю силу на бабах оставишь. – И, весело расхохотавшись, распахнул дверь, оставив Сявку в полном недоумении.

Он уверенно прошел по коридору. В комнату переговоров хотелось войти неожиданно. У самого порога лежала скрипучая доска, и он предусмотрительно перешагнул ее. Прислушался к голосам в комнате. Ничего настораживающего. Макар Хрящ травил какую-то воровскую байку и, похоже, был очень доволен собой.

Константин шумно отворил дверь и, едва поздоровавшись, прошел в комнату, по-хозяйски развалившись в свободном кресле сбоку от Макара. Хрящ встретил его появление полнейшим равнодушием, он даже не повернулся в его сторону, и это демонстративное пренебрежение неприятно покоробило Костю Фомича.

Константин порылся в карманах, стараясь не сводить с жигана взгляда, выудил зажигалку и, шумно чиркнув, закурил папироску.

– Ты бы, Лизонька, познакомила меня, что ли, со своим гостем, – произнес Фомич.

– А ведь правда! – всполошилась Трегубова и, задержав взгляд на Макаре, заговорила на полтона ниже: – Макар Хрящ, гость наш питерский... А вот это и есть тот человек, что на Кирияна тебя выведет. С ним можешь говорить о деле. Его зовут Костя Фомич. Может, слышал о таком?

Макар Хрящ медленно повернулся. Фомич сразу отметил, что гость обладал повадками вожака стаи, привыкшего, что всякий самец при его появлении обязан был спрятать свой взгляд. Константину стоило немалого труда, чтобы выдержать обжигающую смоль нацеленных глаз.

– Слышал, – лениво процедил сквозь зубы Хрящ. – Меховой магазин на Большой Дмитровке – твоя работа.

– Точно, – удивился жиган, невольно исполнившись уважением к залетному гостю. – Откуда знаешь?

– Я, брат, много чего знаю, а только хочу предупредить тебя, что твои людишки после двух литров пива становятся очень болтливыми. Я бы на твоём месте языки им поукоротил... И чем скорее, тем лучше. – Усмехнувшись, Хрящ добавил: – Если сам без языка не хочешь остаться.

– Описать можешь, кто трезвонил? – нахмурился Константин, задетый за живое.

– Давно это было, подзабыл уже, – уклончиво ответил Хрящ, – а только припоминаю, что он на братское чувырло очень походил. Такими экземплярами у вас на Хитровке все пансионаты забиты. Присмотрись, – дружески посоветовал Хрящ.

– Ладно, разберемся. Лиза, ты вот что, подсуетись как следует, все-таки не каждый день к нам из Питера такие знатные гости заходят. Давай своего заветного!

– Это которого? – захлопала глазами мадам Трегубова.

– А того самого, что ты в шкафчике держишь.

– Ах, этот, – Елизавета вытерла руки о передник и распахнула шкафчик. Порывшись и погремев посудой, она извлекла небольшой штоф: – Чистейший! Сама гнала. Весь первач по штофам рассадил, для особых гостей. А остальное уже так, – махнула она рукой, – без повода. Наши-то все сожрут, им лишь бы горело, – не то пожаловалась, не то похвалила Елизавета Михайловна. – Да и пить не умеют, как нажгутся, так все облюют вокруг, а у меня ковры, – повела она рукой, – красота разная.

– Не боишься, что и я напьюсь? – усмехнулся Хрящ, взяв у мадам Трегубовой стеклянный штоф. – Возьму да испорчу тебе всякую красоту.

Фомич нахмурился. Вороватый взгляд гостя откровенно остановился на прелестях Елизаветы Михайловны. Похоже, что он имел серьезные виды на хозяйку.

– Ты-то? – весело захохотала мадам Трегубова. – Ты не из таких. Во-он даже вилку правильно держишь, а ножом так работаешь, как будто из «Эрмитажа» не вылезает. Культура, одним словом. Где только научился?

– У меня свои университеты, – нахмурился Макар. – Сразу всего и не расскажешь.

– Ты часом не из бывших? – неожиданно спросил Фомич.

Хрящ не торопился отвечать, разливал самогонку в низенькие стопки. Разлил аккуратно, не уронив ни капли. Поставив штоф на место, он посмотрел на Фомича:

– А если бы из бывших, тогда что? За порог, что ли, меня выставишь?

Казалось, что Макар Хрящ не смотрел, а высверливал в его переносице дыру. Неприятное чувство, Костя Фомич почувствовал, как у него разболелась голова.

– Не выставлю, конечно, – честно признался Фомич. – В нынешние времена как-то все перемешалось и не разобрать. Раньше как было? Если человек по музыке ходил, так он до самой смерти идет на тихую и из гардеробов шали тырит. А сейчас что? Был форточник, а через год заделался громилой. Был царский офицерик, а нынче шайкой жиганов верховодит.

– Это ты верно подметил, – охотно согласился Макар. – Только я не из офицеров и не из бывших... Признаюсь, сам не люблю голубую кровь. В свое время я их немало потопил в Балтийском море. Революционная вошь меня, понимаешь ли, цапнула. Не уберется. Но ничего... прошло, – едва ли не с облегчением проговорил Хрящ. – Вовремя понял, что это все не мое. Не люблю ходить под кем-то, я сам себе голова!

– А если бы не прошло? – задал вопрос Фомич, взяв стопку с самогонкой.

Рука Макара застыла на полпути, он задумался всерьез.

– Если бы не прошло, говоришь... Тогда бы я к тебе на Хитровку не жиганом пришел, а начальником уголовки. Ха-ха-ха! – Макар Хрящ громко расхохотался, он совершенно не стеснялся своей раскованности и всем видом призывал и других присоединиться к веселью.

Но праздника не получилось – по лицу мадам Трегубовой пробежала нервная судорога, а побледневшее лицо Константина лишь болезненно скривилось.

Наконец Хрящ отсмеялся. Поставил на стол стаканчик и аккуратно вытер салфеткой руки. После чего долил самогона, как прежде, до самых краев.

– Ну и шутки у тебя, однако, питерский.

– Не хуже других, – отрезал Макар. – А ты побледнел, Фомич. Давай выпьем за хорошую шутку.

Выпили молчком, лишь крякнув.

– Ты тут не шелести, – прикрикнул Костя Фомич на Елизавету. – Принеси капусточки соленой к самогонке да свали куда-нибудь в сторонку, а нам тут о деле перетереть нужно... Ты Николу Хромого знал? – спросил Фомич Хряща.

– Нашего, что ли, питерского?..

– Да.

– Знал. Он из уркачей. Крепкий был детина, еще с царской каторги пару раз бежал, а вот от большевиков уйти не удалось. Сцапали его пару месяцев назад на одном деле. А недели две назад в газете прочитал, что его к стенке поставили.

– Верно. Видный был уркач. Мой крестный. В Подмоскovie когда-то вместе шорох наводили. О тебе я слышал, что ты под началом Володьки Соленого ходил. Это верно?

– Что было, то было, – неохотно согласился морячок, – только и его давно нет. После него я свое дело организовал, и жиганы мои за меня в огонь и в воду пойдут.

– Откуда ты жиганов понабрал? – подцепил кусочек сала Фомич.

От крепкого самогона голова слегка пошла кругом, но Хрящ держался молодцом, будто бы лимонад цедил.

– Мишутку Рябого и Егорку Вяленого знать приходилось? – неожиданно спросил он.

– Конечно. К стенке их поставили.

– А жиганов-то переловить не удалось, вот они ко мне и влились.

– Люди Рябого и Вяленого многого стоят, – невольно позавидовал Костя. – А ты скажи мне, как тебе из ЧК удалось уйти, стены там понадежнее, чем в Бутырском замке.

– А разве тебе Васька Кот не рассказывал? – перевел Хрящ взгляд на приятеля, сосредоточенно жевавшего ветчину.

– В общих словах, – пожал плечами Фомич.

– Вот и я тебе могу сказать в общих словах, а только я бабочку крутанул. И моя воля немалых денег стоила.

– Понятно, – протянул Фомич. Кто знает, может, действительно у этого морячка в ЧК свои люди. А денежки все любят, и от смены власти это никак не зависит. – Так с каким же делом ты к нам пожаловал? – доброжелательно спросил Константин.

– Я с Кирьяном буду говорить или с одним из его людей, – вновь показал гонор приезжий.

– Я от Кирьяна, – спокойно проговорил Фомич, – не бойсь, крутить поганку не стану, передам слово в слово.

Было заметно, что Хрящ колебался, уж слишком сосредоточенно пережевывал колбасу, собираясь с ответом. А через минуту выпалил единым духом:

– Хорошо. Но если что не так, весь спрос с тебя. Всюду найду, – его глаза налились свинцовым блеском, какой бывает на море перед грядущим штормом. И Константин натянуто улыбнулся, понимая, что скорее всего так оно и будет. – На Ильинке есть коммерческий банк. Одних только золотых червонцев там до нескольких центнеров наберется, – убежденно заверил Хрящ.

Он выразительно посмотрел на примолкшего Фомича, и Константину не удалось сдержать счастливой улыбки. В глубине души он остался доволен собой, в приезде он не ошибся, такие фигуры не размениваются на гривенники, а сразу метят на крупный куш.

– И что с того?

– У меня в банке имеется свой человек, так вот он мне нашептал, что через неделю еще золотишка должны подвезти. А кроме того, большевички собираются свезти туда немало антикварных ценностей: иконы в золотых окладах, кресты с камушками, часы разные. У меня есть один надежный канал за границу, имеются солидные люди, что возьмут всю эту безделицу за очень хорошие бабки. Но мне одному с этим не совладать. Вызывать питерских тоже времени нет. А потом, сейчас в Питере времена стремные, не до того. Жиганы все на хазах затаились. Кто мне может помочь, так это Кирьян со Степаном.

Фомич старался выглядеть безразличным, но масштаб предстоящего дела впечатлил его. Елизавета Михайловна тоже засуетилась – принесла блюдо с отменной бужениной и торжественно водрузила на стол очередной штоф самогонки. Константин знал, что баба не пропускала ни слова из их разговора.

– Как же ты собираешься такую прорву денег из банка вынести? Ведь это же тебе не какая-нибудь продуктовая лавчонка.

– Верно, – охотно согласился Макар. – А только я продумал все до мелочей. Десять человек войдут в банк и положат всех на пол. Ключи от хранилища я беру на себя... Они будут у меня через три дня... Как? Не важно! Пятеро пойдут со мной в хранилище, вместе все золотишко уложим в пролетки...

– Откуда пролетки?

– А вот в этом мне должен помочь Кирьян. Москва – его город. И где раздобыть надежных извозчиков, он должен знать. За полчаса до налета мы поставим пролетки перед банком. Это подозрения не вызовет. Экипажей там бывает много, все так делают!

– Что-то больно рискованно, – засомневался Фомич. – Кирьян в последнее время осторожничать стал, чекисты в затылок начали дышать. Даже на Хитровке кроты прорылись.

Макар отрицательно покачал головой.

– Риска никакого. Здесь у меня под Москвой склад один на примете есть, а в нем кожанки чекистские имеются. Как раз на всех хватит. Мы эти курточки с фуражками реквизируем, а потом со всем этим маскарадом в банк и заявимся.

– А вдруг нас кто по пути остановит? Мало ли случайностей?

– Не бойсь, все будет в ажуре, этот вариант я тоже просчитал, – весело отозвался морячок. – Ксив я тебе достану целый вагон. Хоть задницей жуй! Я тут с одним Кулибиным переговорил, он в типографии работает. Так для него выправить десяток корочек – плевое дело.

– Человек-то свой? – не сумел скрыть заинтересованности Фомич.

Предстоящее ограбление ему нравилось все больше. В груди зародился приятный холодок, словно он, вооружившись наганом, уже врывается в помещение банка. А может, и вправду никакого риска?

– Верю, как себе, – убежденно проговорил Макар, рассеяв последние сомнения. – Он и раньше меня выручал. А потом, терять ему такого богатого клиента, как я, не с руки. Где же он еще столько башлей насшибает?

– Хорошо, а дальше что?

– У входа встанут два «чекиста» с повязками на руках, в банк никого пускать не будут. А мы между тем спокойно, безо всякой суеты золотишко в пролетки перетаскаем. – Неожиданно Хрящ призадумался: – Есть еще один неплохой вариант, но по нему ответ может быть только завтра.

Фомич насторожился:

– Что за вариант?

– В одном воинском гараже у меня шофер знакомый работает... Из наших... Когда-то мы с ним по очень приличным делам работали. Он пообещал помочь с машинами.

– Машины было бы неплохо, – охотно согласился Фомич.

– Думаю, что не подведет! Да и отказываться ему нет смысла, какой же фраер от хороших денег отбиваться станет, тем более если они к нему сами плывут.

– Тоже верно, – сдержанно кивнул Фомич, позабыв про выпивку.

– А куда ты предлагаешь золотишко свезти? Может, к мадам Трегубовой, – кивнул он в сторону хозяйки, застывшей с ножом в руках над куском окорока.

Фомич слегка улыбнулся, заметив, как напряглось лицо Елизаветы Михайловны. Она слышала каждое их слово и, наверное, в эту минуту даже перестала дышать. В питерском она угадывала очень крепкого жигана и связывала с его появлением пополнение собственной кубышки. Как бы там ни было, но питерскому придется отстегнуть Елизавете Михайловне за гостеприимство немалую сумму. А потом, кто знает, не будь ее, может быть, и дело бы не выгорело.

Гость отвечать не торопился. Фомич уже обратил внимание на его привычку вдумчиво отвечать на серьезные вопросы. Вот прожует сейчас сальцо, запьет его самогонкой и выдаст, слегка растягивая слова.

Так и произошло. Макар занюхал коркой хлеба сивушный дух и степенно заговорил:

– Думал я об этом... Место должно быть надежным, чтобы ни одна посторонняя душа об этом не знала. А Хитровка что такое? Проходной двор! Сегодня здесь одни людишки, завтра другие заявятся. Попробуй узнай, кто такие! – Фомич не мог не согласиться с его аргументами. Правда в них была. – А бродяги народ неблагодарный, добро редко помнят, а продать ближнего за копейку – для них святое дело. – Костя Фомич слегка качнул головой, опять Хрящ прав, и ничего тут не попишешь. – А потом, ты сам говоришь, что чекисты уже здесь стали шнырять. А если банк возьмем, так в первую очередь они сюда нагрянут.

– Это точно! – жизнерадостно поддакнул Васька Кот. Он старался не отставать от Макара и с завидной регулярностью выуживал из тарелки крупные куски.

– Значит, место нужно подобрать безопасное и одновременно такое, чтобы к нему всегда можно было подойти без проблем.

Костя Фомич заметил, как разочарованно поморщилось личико Трегубовой. Помедлив минуту, она принялась яростно нарезать сало.

– У тебя есть на примете такое место?

– Есть, – азартно вспыхнули глаза Макара. – Домишко один есть у Прохоровской фабрики, небольшой и совсем неприметный. В него и сложим. Что важно, дом этот от дороги далеко и стоит около самой воды. В случае чего золото можно на лодки сгрузить и на другую сторону переправиться.

Фомич задумался. План был хорош. Значит, не зря так нахваливают Хряща. Умеет парень рассчитать все до мелочей. А к тому же еще дерзок необычайно, умен, знает, чего хочет, и говорить умеет красиво, как на митинге. Что тоже немаловажно. Блатные таких типов любят. Им верят и за ними идут. Хотя кто его знает, как там дальше получится. Константин мог привести немало примеров, когда даже самые авторитетные паханы падали ниже шпанки.

– Предложение дельное, – согласился Фомич.

– Признаюсь, что над этим делом мы вместе с Яшкой Вальтом кумекали. Да, видно, не судьба ему...

Фомич насторожился.

– Яшка Валет, говоришь? А что там с ним за беда такая приключилась? Может, кто подставу сделал?

– Просто не повезло, – вздохнул Макар, – можешь у Васьки Кота спросить. Он с нами на дело ходил. Наколку нам дали стоящую. Зубной врач один. У него своя клиентура, и сплошь бывшие буржуи да нэпманы. Недельку его пасли. А как вещички стали выносить, на патруль напоролись. Яшка даже ничего сообразить не успел, его прикладом в висок, а мы с Васькой проходными дворами ушли.

– Невеселую историю ты рассказал, – мрачно заключил Фомич. – Но что поделаешь, жизнь продолжается. Нам о хлебе нужно думать. А твое дело я Кирьяну передам. Но быстрого ответа не жди. Ему все продумать нужно.

– Время не терпит, – сдержанно напомнил питерский. – Через неделю может быть поздно.

– Да знаю, – отмахнулся Фомич, – только это не от меня зависит. Как Кирьян решит... Это серьезное дело, много людей требует. Тебе здесь никто, кроме Кирьяна, не поможет. Он тоже жиганов по семечку собирал, есть в его семье и уркачи. Но держатся они скромно и Кирьяна принимают за старшего.

– Ладно, – поднялся Макар, – пойду я.

– Так ты уже уходишь? – спросила мадам Трегубова. – Может, задержался бы еще.

Макар с интересом посмотрел на хозяйку и проговорил:

– Если такая баба просит остаться, так почему же мне отказываться.

И по-свойски притянул Елизавету за талию к себе. Женщина не противилась. Легкой былинкой прижалась к питерскому.

– Но-но! А ты нахал, – шутя погрозила пальчиком Елизавета Михайловна, но грубоватая ласка гостя ей была приятна. Это было видно по ее возбужденным глазам. – Только я не такая, меня завоевать надо.

– Значит, мне придется ночевать в другом месте. Времени у меня нет, чтобы песцовые шубы к твоим ногам кидать, – убрал руку питерский.

– Так где же ты остановился? Может, тебя проводить? – прищурился Костя Фомич.

Макар хмыкнул:

– А ты молодец, самогона едва ли не ведро выдул, а глаз вон какой трезвый. Так и надо жить! Я сам никому не доверяю, так же, как и ты. Потому что вокруг не жизнь, а паскудство одно. Куда ни глянь... Сегодня он тебе брат, а завтра за гривенник готов продать. Так что куда я пойду, не твое дело, и охраны мне твоей не надо. Сам как-нибудь справлюсь, – постучал Хрящ себя по оттопыренному карману, в котором лежал наган. – Самый мой верный друг со мной, но за заботу благодарствую.

– Хата хоть проверена?

Хрящ усмехнулся:

– Ты думаешь, что только Кирьян такой осторожный. Я тоже на паленую хазу не заявлюсь. Человек этот мой и меня не сдаст. В прошлом месяце у него пятеро наших питерских жиганов кантовались.

– А сам ты останавливался у него на хате? – неожиданно спросил Фомич, продолжая буравить Макара взглядом.

– Было дело.

– Значит, ты в Москве уже бывал?

– Приходилось, – посуровел Макар. Вопросы становились ему в тягость.

– А с кем ты из наших дело имел? – продолжал наседать Фомич.

– Послушай, Костик, ты что, меня еще не проверил, что ли? Подловить на чем-то хочешь? – доброжелательно спросил Хрящ, стараясь не повышать голоса.

– Нет, отчего же, – широко улыбнулся Фомич, – просто интересуюсь.

– Меня начинают раздражать твои вопросы. С кем я был, это мое дело, и своих людей я не сдаю. У меня такое впечатление, что прежде чем стать жиганом, ты в уголовке ошивался... – Макар достал зажигалку из желтого металла. Фомич заволновался. Так могло выглядеть только золото. А в крышку с вензелями и фамильным гербом был встроен бриллиант величиной с крупную горошину. Питерский продолжал что-то говорить, помахивая при этом зажигалкой. Но Фомич его уже почти не слушал, его взгляд был сосредоточен на бриллианте, полыхавшем разноцветными огнями. – ...А эта хата не паленая, я за нее головой ручаюсь. Ты вот мне, например, даже бабу не предложил. А это негостеприимно, – с укором покачал головой Хрящ. – А

на нашей хате, кроме выпивки и отменной закуси, меня еще и подружки дожидаются. А спать без бабы, знаешь ли... – Макар отрицательно покачал головой, – я как-то не привык. Ты меня здесь все про жиганов московских выспрашивал, так это тоже мои люди!.. Я вот у тебя здесь на Хитровке сижу, а они меня на хазе дожидаются. И если что со мной случится, так они сразу питерским дадут знать, – пыхтел дымом Хрящ.

– Ну что ты так раскипятился, – примирительно произнес Фомич. – Я так просто спросил... побеспокоился, все-таки ты мой гость. А вот откуда у тебя такая редкая вещица? Может, продашь? – с надеждой спросил Фомич.

– А-а, это, – размякая, протянул Хрящ, – князя Юсупова. Он любил такими безделушками баловаться. По моему заказу, еще до переворота, один марвихер у него выудил. Так что она мне не за бесплатно досталась. Во всей России три таких зажигалки наберется. Одна у великого князя Андрея Владимировича, но это уже в Париже, – махнул он рукой. – Другая в Оружейной палате хранится, и третья у меня.

– Продай мне ее, – загорелись глаза Фомича.

Макар усмехнулся:

– Она мне и самому нужна, – вертел в руках дорогую вещицу питерский, как если бы она впервые попала к нему.

– Сколько ты за нее хочешь? – не отступал Костя Фомич. – Тридцать тысяч? Сорок?

– Это ты о рублях, что ли, говоришь? – презрительно фыркнул жиган. – Если все-таки я и продам ее, то за золото, за червонцы.

– Уж не думаешь ли ты за границу слинять?

– А тебе-то что за дело? – насупился Хрящ. – А царские червонцы еще долго в ходу будут.

– Продай мне, – подала голос мадам Трегубова. – Хорошую цену дам.

– Ну что за баба такая!.. – вспыхнул Фомич. – Как увидит красивую вещь, так глаза из орбит выскакивают. Ты что, среди торбовщиков с ней щеголять собираешься? А потом, ты ведь и не куришь! Тьфу ты! Ну что за баба такая занозистая, лишь бы наперекор все сделать.

Макар Хрящ великодушно улыбался:

– Мне без разницы, кому продавать. Вы тут разберитесь между собой. Главное, чтобы цена была подходящая. – Он спрятал зажигалку в карман, пыхнув дымком под потолок. И направился к выходу.

– Постой, – попридержал гостя Фомич, – я сейчас за порог гляну, может, кто чужой пасется.

Фомич вышел, плотно прикрыв за собой дверь. Ветер прошелся по улице, обдав лицо сыростью. От угла дома отделилась фигура и стремглав кинулась навстречу.

– Вот что, чумазый, – негромко проговорил Константин. – Сейчас отсюда выйдут двое, проследишь со своими пацанами, куда они направятся. На вот, возьми рублик за расторопность, – сунул он в маленькую ладошку монету. – Как узнаешь, тут же ко мне.

– Понял, Фомич, – с готовностью произнес малец и тут же юркнул за угол дома.

Костя Фомич открыл дверь.

– Все в порядке, Хрящ, можно выходить. У нас тут своя охрана, если бы легавые заявились, так мы бы уже об этом знали, – не без гордости сказал он. – Разведка у нас работает.

– Хорошо вам здесь живется, – не спеша вышел на вольный воздух Макар Хрящ.

– Не тужим, как видишь.

Из-под пелены темно-серых облаков тускло пробился месяц, осветив серебряным светом стоящие на пороге дома фигуры.

– Нам бы организовать такое дело на Лиговке, – мечтательно протянул Макар Хрящ.

– Не выйдет, – отрицательно покачал головой Фомич, – уж слишком чекисты стали напористыми. А потом, здесь у нас свои традиции сложились. Я ведь с малолетства на Хитровке околачиваюсь, и таких, как я, у нас более половины.

– Возможно... Ну и накормила меня Лизонька, мясо в зубах позастревало, – пожаловался питерский. Он ловко извлек из коробка спичку и, достав из кармана нож, уверенными движениями заточил кончик спички.

Фомич невольно обратил внимание на красивый предмет. Даже в полутьме было видно, что работа необыкновенно тонкая – рукоять из кости желтоватого цвета инкрустирована золотом, а лезвие узорчатое, из дамасской стали. Таким ковырнешь разок, и до самой смерти рана не заживет.

– А ты, я вижу, любишь красивые вещи, – показал взглядом на нож Фомич.

– А кто их не любит, – усмехнулся Макар, поигрывая ножичком. – Это как баба, не могу пройти мимо красивой, обязательно хочется получить ее в собственность. Ничего не могу с собою поделать. Любую цену за хорошую вещь отдам.

– Дай глянуть, – протянул руку Фомич.

– Бери, – сложил нож Макар и протянул его Константину.

– Знатное перышко, – оценил тот. – Такое в руке держать одна радость. И золота здесь немало. Вон какой тяжелый.

Питерский жиган любил красивые вещи, а это уже характер. Не каждому они в руки даются, лишь избранным. А если попадают к людям случайным, то, как правило, надолго у них не удерживаются, ускользают меж пальцев, как речной песок. Красивая вещь любит людей волевых, требуется немало достоинств, чтобы удержать ее при себе.

Верно сказал питерский: золото сравнимо разве что с бабами – к одному оно прилипает, а других не замечает совсем.

– Я не взвешивал, но золота немало.

– И сколько ты за него отдал? – возвращая нож, спросил Фомич, подумав о том, что он и нож бы приобрел в собственность.

– Здесь другая история, – небрежно сунул нож в жилетку Хрящ. Будто и не золото вовсе, а кусок обыкновенного железа. – Мне его подарил Степа Рыжий.

– Дорогой подарок.

– Я тоже оценил, – согласился Макар Хрящ.

– Ты вот что, – отбросил последние сомнения Фомич, – давай завтра часиков в девять подваливай на Хитровку.

– А Кирьян-то будет? – засомневался Хрящ.

– Расскажу ему все, как есть. Ты фартовый, а он таких любит, они удачу приносят. Да вот еще что... Ты к Лизке того... не клейся. Я ее замарьяжил.

– Ладно, договорились, – и, кивнув на прощание, Хрящ ушел в ночь, увлекая за собой Ваську Кота.

Фомич увидел, как от противоположного дома мелькнули две тени и, прячась под козырьками домов, устремились вслед за гостями.

Уж эти-то не отпустят, до самого пристанища залетных проводят.

Фомич еще немного постоял, а потом уверенно направился в глубину Хитровки, в небольшой флигель. Оглянувшись и не обнаружив ничего подозрительного, он выбил пальцами по двери негромкую дробь. Дверь тотчас открылась, и Фомич юркнул в проем.

Комната была небольшая, заставленная коваными сундуками, в углу стояла кровать, на которой, разомлев, поверх пестрых покрывал лежала девица лет восемнадцати.

Фомич старался не смотреть на нее и как заговоренный наблюдал за пальцами Кирьяна, неторопливо застегивающего рубаху.

– Хочешь? – показал Кирьян на девушку, которая совершенно не стеснялась своей наготы, и, махнув рукой, добавил: – Ах да, совсем забыл, ты же у нас однолюб. Ну чего там, рассказывай, – указал он рукой на сундук.

Фомич скромно присел на самый краешек. Не исключено, что под крышкой сундука находятся денежки от последнего налета на артельные мастерские, откуда только одной мануфактуры было вывезено на двадцати подводах. Кирьян любил работать с размахом.

– Не подстава? – устроился Кирьян рядом.

– Не похоже. Про питерские дела много знает и ведет себя так, как жигану положено.

– Как мазу держит?

– За своих горой стоит и лишнего тоже не болтает.

– Смотри в оба, а то рога замочишь, – строго предупредил Кирьян.

– Ты думаешь, я не понимаю, – обиделся Фомич.

– Ладно, что там за дело он говорил? – живо поинтересовался Кирьян.

Костя, стараясь не упустить малейшей детали и тщательно скрывая личный интерес, поведал о плане Макара.

– Дерзко. Умно. Слышал я о Хряще. Что ж, это на него похоже, – задумчиво проговорил Кирьян, внимательно выслушав Фомича. – Так во сколько договорились встретиться?

– Часиков в девять.

– Отлично. Буду. А еще и Степана с собой захвачу. Ему тоже не терпится с залетной птахой познакомиться. Ну а теперь давай попрощаемся, видишь, барышня дожидается, – кивнул он в сторону кровати. – Тебя никто не видел?

– Ни одна живая душа, – уверил его Фомич.

– Хорошо, порожняк гонять не будем. Ты вот еще что, на картишках залетного проверь. Жиганы питерские в картах большие мастера. Здесь его нутро до печенок высветится.

И, хлопнув Фомича на прощание по плечу, Кирьян задвинул за ним тяжелый засов.

Глава 3

ДЯДЕНЬКА, ПРОСТИ САЛАГУ

Толкучка на Покровском бульваре уже три недели доставляла сыщикам неприятности. Месяц назад в рыночной суете был подстрелен молодой сотрудник уголовного розыска, узнавший среди торгашей своего сбежавшего клиента. Пуля, пробив легкое, прошла навывлет. Парень еще добрых полсотни метров бежал за стрелявшим, пока не свалился без памяти. А несколько дней назад один старик продавал золотые кресты с изумрудами, числившиеся в описи Оружейной палаты. Деда удалось взять, но допросить не получилось – в ту же ночь он был обнаружен в камере повешенным. Произошедшее можно было бы вполне списать на банальное самоубийство, если бы не одно обстоятельство: веревка, на которой висел старик, была довольно коротка, а ноги повешенного так высоко находились от пола, что старику следовало бы воспарить к самому потолку, чтобы затянуть петлю на горле.

Проку в этих толкучках Кравчук не видел. С каждым днем Москва превращалась в один сплошной базар. Рынки эти возникали стихийно, продавцы не боялись ни патрулей, ни налетчиков, ни облав. И если все же толкучку закрывали, то следующая возникала за соседним углом. Рынки напоминали живой организм, который обязан был заботиться не только о собственном развитии, но и о защите. А потому у каждого базарчика дежурили малыцы, которые мгновенно подавали сигнал о малейшей опасности. Толкучка тут же рассасывалась в течение одной минуты, как если бы ее не было вовсе.

На таких рынках можно было купить все: от малолетки, приехавшей на заработки откуда-нибудь из тамбовской глубинки, до ящика с гранатами. А потому сюда, как грифы на падаль, слетались жиганы со всех близлежащих губерний. Казалось, забрось невод – всех и вытянешь. Ан нет! Не так все просто, как выглядит на первый взгляд. Каким-то непостижимым образом жиганы узнавали о намечавшихся облавах и, словно тараканы, забивались по щелям.

И все-таки толкучку на Покровском бульваре удалось зацепить как следует. Кроме обыкновенных бродяг, набравшихся с полсотни, в сеть угодило разное пестрое жулье, состоявшее из форточников, голубятников, торбовщиков, щипачей. Кроме прочих пескарей, невод зацепил рыбку и посерьезнее. Обнаружились три матерых уркача, находящиеся в розыске.

Но настоящим сюрпризом стали шесть неувомимых жиганов, четверо из которых обрелись в банде Кирияна, а двое ходили под началом Степана.

Первый допрос ничего не дал. Блатные лишь злобно кривили рты или яростно уверяли в своей благонадежности. Придется набраться немного терпения. Если дела будут и дальше продолжаться в том же духе, то молодчиков следует отправить в расход без покаяния.

А остальных бродяг, не замешанных в серьезных делах, допросить как следует, загрузить в вагон да и высадить где-нибудь в тьмутаракани.

Кравчук собирался уже уходить, когда в комнату негромко постучали. Вошел Савелий Кондрашов. Как всегда, он был очень серьезен. Узкий лоб криво прорезали три глубокие морщины.

- Я по поводу облавы на Покровском бульваре, – нерешительно начал опер.
- Ну, – нетерпеливо поторопил Федор Степанович, укладывая бумаги в сейф.
- Там нам один тип странный попался... Бродяга. Говорит, что-то важное хочет сказать. Кравчук посмотрел на часы.
- Не обмолвился, о чем хочет сказать?
- Говорит, о банде Кирияна.
- Это уже серьезно.
- Вот как? Ладно, давай забирай его из распределителя и веди сюда, но только галопом!

У меня времени нет!

– А он уже здесь, – невозмутимо сообщил Савелий и, выглянув в коридор, громко произнес: – Прохор, заводи!

В комнату в сопровождении красноармейца вошел долговязый детина с мрачным взглядом. Ветхая одежда и слой грязи на лице свидетельствовали о том, что он принадлежит к многочисленному сословию «не помнящих родства». Но шапку он ломать не стал, вытянулся и достойно сказал:

– По делу я к тебе, господин начальник.

Федор Кравчук невольно усмехнулся:

– А сюда без дела никого не приводят. Что сказать хотел?

– Прежде я на царский сыск работал, – сообщил бродяга не без гордости. – Особо много не платили, но четвертную на выпивку всегда имел! А то, бывало, и на праздники пятерочку подкидывали. Ценило меня начальство. А теперь как-то разладилось все, – взгрустнулось детине.

– И за какие же такие заслуги тебя премировали? – Разговор получался интересный.

– Об уркаче Вальке Обухе слышал? – спросил бродяга.

– Кто же о таком душегубе не слышал, сударь мой разлюбезный. В Подмоскovie он целыми улицами вырезал!

– Верно, – согласился бродяга, – тридцать шесть загубленных душ на его совести, – и размашисто перекрестился. – Не будь меня, так его по сей день искали бы.

– Как же ты его вычислил?

– А-а, – довольно протянул тот, – здесь особая история. Он как-то на Хитровку заявился к мадам Трегубовой. Тогда она еще воровской мамой не была. Так... барышня на час. Вот Валька Обух и сболтнул ей о своих геройствах, а она мне по старой дружбе. А я, не будь дурак, в сыск донес. Помню, начальник мне сто рублей дал и часы серебряные, – важно протянул бродяга.

– Много, – согласился Федор. – И куда же ты часы-то дел? – с интересом спросил он. Не приходилось ему встречать бродяг с часами.

– Пропил! – безнадежно рубанул тот рукой. – Целую неделю кутил, – в голосе звучали горделивые нотки. – Даже на общак малость кинул. Авось и меня когда-нибудь не позабудут.

– И как же тебя величать?

Бродяга покосился на красноармейца, застывшего чуть сбоку с непроницаемым лицом, и сообщил:

– Грош!

– Ах, вот как!

Действительно, Кравчуку попадалось дело некоего Гроша, завербованного участковым надзирателем.

– Слышал, – помолчав, добавил Федор Кравчук.

В деле имелась даже небольшая фотография, на которой Грош был не в пример моложе.

– Было время, меня сам начальник к себе зазывал, – похвастался Грош. – Кофеи мы с ним пили, а бывало, что и водочки наливал.

– Оставьте нас наедине, – приказал Федор Кравчук. И, заметив нерешительность Савелия, добавил: – Все в порядке, я сам разберусь. Как же тебя сцапали-то, Грош? – спросил Кравчук, когда Савелий прикрыл за собой дверь.

– На толкучке попался, господин начальник. Наша артель там всегда собирается.

– Ты эти свои старорежимные замашки оставь, – погрозил пальцем Кравчук. – Господ мы всех повыбили да по заграницам растолкали. Называй меня гражданин начальник. Ясно?

– А чего не понять, – почти обиделся Грош, – мы с почтением...

– Ну так что там у тебя, выкладывай.

– Тут вчера к мадам Трегубовой гости заходили из Питера. Один такой плечистый, весовой, другой пожиже будет, но оба жиганы. Это точно! Тот, что постарше, золотыми безделушками все сверкал. А такие вещички даже не у всякого весового встретишь.

– А про золотые вещи откуда знаешь? – небрежно поинтересовался Кравчук. – Он тебе тоже, что ли, показывал?

– Да разве я ему ровня? – слегка удивился Грош. – Он вон где! – уважительно поднял подбородок бродяга. – А я кто? Так... не помнящий родства. Только я за ними из-за угла наблюдал. А сильную вещь даже в самой темени рассмотреть можно, – уверил Грош. – Как пить дать, золото это было!

– С чего ты взял, что это гость мадам Трегубовой, может быть, залетный какой? – серьезно засомневался Кравчук. Грош сдержанно улыбнулся над наивностью начальника.

– Это какой же такой залетный в самую темь на Хитровку явится, да еще с такими вещичками! Обдерут его как липку. А вот если от мадам Трегубовой идет, тогда другое дело, – развел он руками, – это как ежели при нем охранная грамота была бы. За непочтение и голову могут оторвать.

– И что там дальше было? – все более втягивался в разговор Кравчук.

– Пока я там рядышком стоял, они о делах каких-то своих говорили... Кирьяна поминили... Я тут покумекал малость и думаю, что гости хотят дело какое-то крупное замутить, вот решили московских жиганов в долю взять.

– А Кирьян что?

– Без Кирьяна в Москве ни одно большое дело не обходится.

– Может, слышал, о чем говорили?

– Не разобрал, – выдохнул Грош, – как на духу говорю! А только вокруг питерского гостя Костя Фомич ужом вился. А он всегда там, где большими деньгами пахнет. И такого человека, как Кирьян, на безделицу звать бы не стали, – уверил Грош. – Не тот калибр!

– Хорошо, я тебя отпущу, – подумав, сказал Кравчук. – Потолкайся на Хитровке и поспрашивай как следует, что там гости надумали.

Грош скосил недобрый глаз на Федора.

– За такие расспросы, гражданин начальник, можно и без головы остаться. Ты бы меня не учил, что нужно делать. Я сам потолкаюсь среди своих, может, кто что сболтнет, авось где и сам чего услышу. А если что прознаю интересное, так сразу тебе дам знать.

Грош был понятен. Хитроват, конечно. Как же без того! Но склад ума у него авантюрный. Такие люди встречаются практически во всех сословиях. Шпионить за ближними для них такое же обыкновенное дело, как дышать.

– Сколько тебе платили в сыске? – по-деловому поинтересовался Кравчук.

– На выпивку хватало, да еще мог и барышень кренделями побаловать, – степенно протянул Грош.

– Денег я тебе дать не могу, – честно объявил Кравчук, – но паек будешь получать приличный.

Грош почесал затылок.

– Паек-то оно, конечно, подходяще, – без особой радости сообщил Грош, – только, бывало, мне и водочки наливали за особое старание.

– Водки не обещаю, – строго заметил Кравчук, – но самогона, может, налью.

– А больше мне и не надо. Благодарствую, – произнес босяк. Он чуть наклонил голову. А потом вспомнил, что нынче во дворе не царские времена и все вокруг товарищи, достойно разогнулся.

– Кондрашов! – громко крикнул Кравчук. – Кондрашов! Да чтоб тебя!.. Да где тебя черти носят? – в сердцах добавил Кравчук, когда оперативник перешагнул порог. – Вот что, проводи

этого... товарища до выхода и смотри, чтобы ему по шеям не надавали, а то у него вид не очень респектабельный.

– Какой? – часто заморгал Савелий.

– Одежда на нем старая: чего доброго, снова в каталажку запрут. – И уже когда Грош стоял на пороге, Кравчук неожиданно спросил: – А верно, что ты когда-то уркаганом был?

Грош застыл в дверях, а потом медленно повернул голову.

– Откуда тебе это известно, гражданин начальник?

– Чего это личико-то у тебя перекошилось? Уж не заболел ли ты часом?

– Кто тебе об этом напел?

– Никто, – честно ответил Кравчук, улыбнувшись, – это в твоём досье отмечено. А царские сыски народ дотошный.

– Значит, надул меня сыскной надзиратель...

– Как же ты титул-то свой потерял?

– Хм... По молодости случилось, – чуть помявшись, заговорил, оправдываясь, бродяга, – я тогда на тобольской каторге срок тянул. До курева очень жадный был, а тут смотрю, на шконке кисет лежит, табачком по самую горловину набит. Я и шинканул из него малость на козью ножку, а тут один уркач приметил и меня за руку сцапал при свидетелях. Думал, дупло забивать станут, ан нет, обошлось. Надавали по мордасам да отпустили восвояси. С тех пор я «не помнящий родства».

– А если уркачом себя объявишь?

– Прирежут, – просто констатировал босяк. – Такие вещи в нашем мире не забывают, – и, не прощаясь, притворил за собой дверь.

* * *

Васька Кот поставил две кружки пива на мокрый стол и торжественно объявил:

– Свежак! Я сюда часок назад забежал, опрокинул одну кружечку, так пиво словно живая вода по жилочкам пробежало.

Хрящ взял стеклянную кружку и посмотрел пиво на свет. Оно выглядело красивым, искрящимся. Сверху пышной горкой колыхалась белая пена. Ее полагалось сдуть. Вообще это был целый ритуал. Желательно пену сдуть с первого раза, на что был способен не каждый любитель. При этом нельзя было расплескать пиво. А клочья пены летели на многие метры, заляпывая столы и стулья.

Хрящ невольно улыбнулся, вспомнив о том, как однажды он с флотскими приятелями устроил соревнование по сдуванию пены. Тогда ему удалось выиграть сто рублей. В царское время это были очень большие деньги.

– Ты чего улыбаешься? – недоверчиво спросил Вася Кот, покосившись на напарника.

– Да так, – неопределенно пожал плечами Хрящ, улыбнувшись еще шире.

Он слегка наклонил кружку и резко, но совсем не сильно дунул. Пена слетела с края кружки и шлепнулась на дощатый пол.

– Ловко, – искренне позавидовал Васька Кот, – я так не могу, обязательно пиво пролью.

– Я тоже не сразу научился, – заметил Макар Хрящ, – прежде море пива выпил.

Как и предполагал Макар, от самых дверей мадам Трегубовой Фомич пустил по их следу дозорных. Обыкновенную пацанву, совершенно не различимую в полутьме и чрезвычайно подвижную – как стая испуганных воробьев, – попробуй тут уследи за ними! Московским жиганам ни к чему знать, где остановились питерские, не то время, чтобы доверять. Макар и раньше не любил незапланированных визитов, и уж тем более не хотелось, чтобы его тревожили сейчас.

От пацанов удалось избавиться, когда они вскочили в проезжавшую мимо пролетку. Макар сунул трешку извозчику, и тот, окрыленный неожиданным наваром, заставил бежать лошадку вскачь, методично опуская на ее широкую спину кнут.

У Боброва переулка Хрящ сошел. Через два квартала находилась его квартира. Внимательно осмотрелся – вокруг никого. От пацанов удалось оторваться, но поблизости могли быть люди и посерьезнее. Он покругил по переулкам и, окончательно убедившись в отсутствии «хвоста», затопал к дому.

Хрящ взял воблу, постучал о край стола. Рыба заметно помягчала. Хрящ вытащил из кармана часы, шелкнул крышкой и посмотрел на циферблат. До назначенной встречи оставалось минут тридцать. Спрятав часы, он поймал взгляд двух мужчин, сидящих за соседним столиком.

По виду обыкновенные щипачи, золотую игрушку они срисовали мгновенно. Как бы невзначай Хрящ распахнул жилетку, под которой предупреждающе торчала рукоять нагана. Парни все поняли и больше в его сторону не смотрели. Пивко попивал человек весовой, и его лучше не тревожить.

Хрящу нравилось обладать золотыми вещами. Они как будто были созданы для его пальцев, да и сам он невольно ощущал себя значительнее и намного сильнее. И уже не однажды ловил на себе завистливые взгляды окружающих.

– Я тебя предупредить хочу, лишнего там не вздумай болтать. Это мое дело.

Васька Кот обиделся:

– Да я и так нем как рыба.

Хрящ одним глотком допил пиво и поставил кружку на стол.

– Пошли, нечего рассиживаться. Дела торопят, – и поднялся из-за стола.

Из-за столика у самых дверей несколько торопливее, чем следовало бы, отставив в сторону недопитые кружки, поднялись четыре человека. По виду стопроцентные жиганы, уж слишком щеголевато одеты.

– Тех людей у двери видишь? – негромко спросил Макар.

– Ну?

– Будь осторожен, у меня такое впечатление, что это по нашу душу...

Хрящ незаметно вытащил наган из-за пояса и, стряхнув рыбью чешую с газеты, прикрыл ею ствол.

У выхода из пивной их уже ждали. Неторопливо взяли в коробочку, отрезая возможные пути отступления. Действия отработанные, правильные. На лицах самодовольные улыбки, эти залетные фраера представлялись блатным легкой добычей. Чувствовалось, что для них это даже не приключение, подобные вещи они проделывали неоднократно, а потому инстинкт самосохранения молчал.

– Дорогу, – стиснув зубы, произнес Хрящ.

– Это мы с почтением, – произнес тот, что стоял напротив, сверкнув золотой фиксой, – только ты свои часики оставь, те самые, которыми в пивнушке сверкал. Парень ты, видать, фартовый, другие себе надыбаешь, а мне они во-от так нужны, – рубанул он себя ладонью по горлу, – уж слишком часто на свидания к барышням опаздываю. А они народ очень ранимый, обижаются.

Жиган сделал небольшой шаг вперед и резко выбросил руку. Холодным предостерегающим лучом блеснуло лезвие финки.

– А ну, пучеглазый, – прошипел жиган, – наковырай нам капустки.

И одновременно, будто бы по команде, двинулись навстречу остальные, стараясь оттеснить Кота с Хрящом в закуток двора.

Газета выпала из ладони Макара и упала в грязь.

– Стоять, суки позорные! – негромко, но твердо произнес питерский.

В грудь фиксатому смотрел ствол нагана. Макар слегка надавил на курок, и барабан, как бы неохотно, чутко сдвинулся. Фиксатый проглотил подступивший к горлу спазм.

– Ну, ты... это... – пробормотал он.

– А теперь, салаги, просите у дяденьки прощения.

Барабан повернулся еще чуть-чуть.

– Ну, пошалили мы, браток, с кем не бывает... Не признали своего, – виновато зашепелявил фиксатый.

– Крыса тебе браток, – брезгливо выдавил Хрящ, – а для тебя я дяденька. Живо проси прощения! Считаю до трех... Раз!..

Барабан повернулся еще на самую малость. Именно в этом месте на шептало нагана установлен фиксатор, чтобы иметь возможность как следует прицелиться в предполагаемую мишень. А дальше достаточно всего лишь крохотного усилия, чтобы выпустить из ствола пулю.

– Дяденька... прости... не будем, – прошепелявил ошарашенный блатной.

– Салагу забыл, – негромко, но жестко напомнил Макар Хрящ.

– Дяденька... прости салагу, – выдавил из себя фиксатый.

– А теперь пошел отсюда, и чтобы я тебя не видел! – чуть повел стволом Хрящ.

Жиганы, попрытав финки, уважительно разомкнулись. Отступил и фиксатый, увязнув лакированными туфлями в осенней грязи. Обернувшись, Макар поймал его яростный, уничижающий взгляд. Каким-то шестым чувством он осознал, что это не последняя их встреча.

Завернув за угол, Макар махнул рукой извозчику.

– На Хитровку! – небрежно бросил Хрящ, развалившись на сиденье.

– На Хитровку? – призадумался извозчик, почесав кнутовищем кудлатый затылок. – Непокойно там нынче, – сдержанно сообщил он, – вы бы, господа, добавили полтину за беспокойство.

– Три рубля сверху! – великодушно пообещал Хрящ.

– Три рубля?! – возликовал извозчик. – Да за такие деньги я вас хоть в ад отвезу!

– А вот это кого-нибудь другого, – со смешком заметил Макар.

Пролетка остановилась на площади, расшугав пацанов, покуривающих махорку на перевернутых ящиках.

Дозор не дремал!

Тотчас от их группы отделился самый расторопный и стремглав пустился по улице.

В окнах заведения мадам Трегубовой ярко полыхал свет. Здание было заметно издалека, как огромный корабль, светящийся в мрачном и неуютном море праздничной иллюминацией. В соседнем доме над крыльцом висел красный фонарь, у которого, попыхивая папироской, стояла молодая женщина.

Макар невольно задержал взгляд на ее открытых ногах. Странно, что он не разглядел это заведение в прошлый раз.

Женщина, вмиг заметив интерес, расценила его по-своему. – Что же ты, морячок, мимо проходишь, я много за удовольствие не возьму.

– Откуда же ты, барышня, знаешь, что я моряк? – невольно удивился Макар, чуть приостановившись.

– А походка у тебя матросская, – улыбнувшись, сказала женщина. – Я когда в Питере жила, то на вашего брата насмотрелась предостаточно.

Ее улыбка сделалась еще шире. Очевидно, на нее ласковым прибоем накатила волна воспоминаний.

– Значит, мы с тобой земляки.

– Если удовольствия не хочешь, тогда, может быть, даму папироской угостишь, – попросила женщина, – я ведь последнюю докуриваю.

– Это можно, – мгновенно откликнулся Макар, сделав в сторону женщины пару шагов, и, открыв портсигар, предложил: – Смелее черпай, не обеднею!

Женщина уверенно вытащила три штуки.

– Это не тебя ли у мадам Трегубовой ждут? – негромко спросила проститутка.

– А что? – насторожился Хрящ.

– Уж слишком привечают, будь осторожен.

– Спасибо тебе, землячка, – улыбнулся Хрящ.

И, подмигнув, затопал к дому мадам Трегубовой.

Дверь отворилась в тот самый момент, когда Хрящ взойшел на крыльцо.

– А вот и питерский, – раздался голос Фомича. Войдя в комнату, Хрящ увидел шесть человек, сидящих за столом.

В центре стола возвышался штоф с самогонкой. На огромной чугунной сковороде жареная картошка, на большом блюде крупные куски жареной курицы, малосольные огурчики, селедочка...

– Будьте здоровы, – кивнул с порога Хрящ.

– Привет... Здорово... – нестройно поздоровались присутствующие.

Два стула оказались свободными – приготовили для гостей, и Хрящ уверенно сел на один из них. Рядом, уверенно придвинув стул, устроился Васька Кот.

– Так, значит, ты и есть питерский Хрящ? – спросил шатен лет тридцати.

По костюму из великолепной темно-серой шерсти он запросто сошел бы за крупного нэпмана, заявившегося на Хитровку для остроты ощущений. Выдавал его взгляд – острый и одновременно властный. Так мог смотреть только человек, привыкший каждый миг играть в «русскую рулетку», для которого риск обыкновенное дело. На жилете приметная для жигана деталь – толстая золотая цепь. Будь он рангом пониже, приперли бы его бродяги где-нибудь в темном тупичке да содрали бы всю эту красоту. Но за столом сидел хозяин, и едва ли не килограммовая цепь служила неким знаком отличия.

– Он самый, – сдержанно кивнул Макар. – А ты, похоже, Кирьян?

Жиган расплылся в довольной улыбке.

– Верно, вижу, что слава моя до самого Питера докатилась. А вот Степан, – показал он на крепкого парня с глубокими залысинами. – Ну что, давай выпьем за знакомство. – Широкая крепкая ладонь уверенно ухватила штоф за высокое горлышко. Макар увидел на коротких пальцах золотые перстни. Особенно выделялся один – с крупным бриллиантом. – Самогонку-то признаешь?

– Пью все, что горит! – усмехнулся Хрящ.

– А-а, значит, наш человек, – наполнил Кирьян стаканчики.

Хрящ посмотрел на Степана. На жигане был дорогой темно-синий костюм. Рубашка казалась неестественно белой, а вот на манжетах, чуть выглядывавших из рукавов, виднелись пятна.

Дружно чокнулись, разливая водку из переполненных стаканов.

– А хорошо прошла, – выдохнул Макар, проглотив, – словно вода.

– Я тоже о твоих подвигах наслышан, Хрящ, – отплатил монетой вежливости Кирьян. – Слышал, ты камушками приторговываешь. Уступил бы мне какие-нибудь брюлики, уж больно баба моя их обожает.

– Отчего ж не помочь хорошему человеку? Только у меня с собой товара стоящего нет.

– Ладно, тогда в другой раз перетрем. А ты молодец, – разлил еще по одной Кирьян, – сумел отыскать тропинку к сокровищам. Может, направляли бы на пару, я сбытчиков хороших знаю, которые за камешки хорошие деньги дадут.

Макар сделал вид, что задумался:

– Хорошо, я подумаю над твоим предложением. Только вот мне в Питер дорога пока заказана.

– Что так? Чекисты лютуют? – испытующе глянул Кирьян.

– А где ж они не лютуют? – усмехнулся Хрящ. – Сегодня в «Известиях» написали, чекисты сразу восемь человек к стенке поставили. Докатились... Теперь даже за стыренный кошелек лоб зеленкой мажут! Нет, здесь мне поспокойнее. В Москве меня мало кто знает.

– Значит, с легавыми не поладил? – будто бы посочувствовал Кирьян.

– Скажем, что так, – глухо отозвался Макар.

– Ну давай еще по одной, а то в горле сухота одна. Чтобы все легавые передохли!

– Хороший тост, – хохотнул Костя Фомич.

– Присоединяюсь, – улыбнулся Макар.

– А я ведь некоторых питерских знаю, – неспешно произнес Кирьян, глядя в глаза Макару.

Хрящ улыбнулся. Взяв хрустящий огурчик, сказал:

– Кого, например?

– Егорку Винта. Слышал о таком?

– Мы с Егоркой когда-то вместе по одному делу работали, – сказал Макар и, убрав улыбку с лица, сообщил: – Только закрыли его, Егорку-то...

– Когда?

– Еще неделю назад закрыли.

– Как же это так?

– Сам виноват, – махнул Макар Хрящ рукой, – слишком самоуверенный стал. А наше дело ротозейства не прощает. Вскрыл он одну хату, а там вместо профессора чекист оказался.

– Ходил слушок, что это подстава была.

Макар задумался.

– Не думаю. Хотя кто знает... Что-то слишком часто стали происходить непонятные вещи.

– А ты «по бездорожью не чешешь»? – вдруг громко спросил Степан.

Он сидел на противоположном конце стола, и Хрящ, слегка нахмурившись, повернулся в его сторону.

– О чем ты?

– Ты сказал, что из Питера от легавых ушел, а мы тут о тебе провода натянули, и знаешь, что нам поведали?

– Ну? – посуровел Макар Хрящ.

– С Виталькой Рыжим ты не поладил. Тесно вам стало в одной банде...

Хрящ посмотрел на жигана и восторженно воскликнул:

– Вам это сорока, что ли, на хвосте принесла? Я едва в Москве объявился, а уже знают! – И, понизив голос, продолжал: – А они вам не сказали, что почти все жиганы со мной пошли? Кто у Рыжего остался?.. Матвей Безрукий, Чума да Василек Фиксатый.

– Ну, чего ты кипятишься? – примирительно произнес Кирьян. – Спросить, что ли, нельзя.

Лицо у Кирьяна было идеально выбрито, сейчас оно лоснилось от обильного пота. Хрящ, стиснув зубы, смотрел прямо в глаза московского жигана.

– Я так понял, что мне здесь не доверяют. Если так, я разворачиваюсь и ухожу. Найду других компаньонов.

Кирьян усмехнулся:

– Таких, как мы, не найдешь. У любых против нас кишка тонка будет.

– Вы все Рыжего вспомнили, а ведь он еще в пацанах ходил, когда я уже жиганом был.

– Ну что ты кипятишься, – слегка приобнял Макара Кирьян, – давай выпьем мировую. Эй, Елизавета! Почему у тебя штоф пустой?! – сурово спросил жиган. – Не видишь, что ли, гости заскучили.

Мадам Трегубова напоминала юлу. Она без конца находилась в движении. То убирала пустую посуду, то подносила новые угощения.

– Угощайтесь, гости дорогие, – выставила она на стол маринованные грибы. – Только для вас. А вот и самогон, как раз такой, какой ты любишь, Кирюша, – плутовато стрельнула глазками мадам Трегубова.

Жиган хлопнул женщину по пышному заду и громко произнес:

– Ну, Костя! Ну, змей! Такую барышню отхватил! Все при ней! Знаешь, я ее у тебя отобью.

Обижаться не полагалось, и Фомич захохотал вместе со всеми. Если таким образом пошутит бы кто-то другой, а не Кирьян, то подобную шутку Костя наверняка не оценил бы. И тихий вечерок за штофом водки мог бы перерасти в нешуточную поножовщину.

– Мне тут Фомич рассказал о твоих замыслах. План интересный, – согласился Кирьян, наколов на вилку сразу несколько грибочков. – Только ты о главном не сказал.

– О чем же?

– Какую долю себе хочешь оставить?

– Поровну.

– Хм... Мы тут с жиганами посоветовались... Ну ты пойми нас правильно, питерский, только чтобы без обид, – прижал ладонь к груди Кирьян. Взгляд его сделался жестковатым. – Где налет будет? В Москве! Кто в нем будет участвовать? Опять же московские жиганы... Кто пролетки доставать будет? Опять наше дело.

– За мной машины, – напомнил Хрящ.

– Автомобили, конечно, хорошо, но это не главное, сам пойми, – миролюбиво протянул Кирьян.

– И что же ты предлагаешь? – посуровел Макар Хрящ.

– Я предлагаю то, что между жиганами всегда заведено было. – Кирьян немного помолчал, а потом со значением добавил: – По-братски разделить.

Васька Кот насупился:

– Это как же?

– Самое трудное дело на меня ляжет... Мне с жиганами переговорить придется, каждого копейкой заинтересовать. Кому охота просто так под пули башку подставлять? А потом, там ведь золотишко, камушки всякие будут... Верно я говорю?

– Да.

– У меня верные люди есть, которые сразу скупят все. Честно говоря, питерский, я вообще не вижу, что ты можешь принять в этом деле участие, – неожиданно расхохотался Кирьян. И, заметив, как напряглось лицо Макара, примирительно сказал: – Ну, ладно, ладно... пошутил я. Твоя накладка, значит, и доля твоя на кону. Но не обессудь, на половину не рассчитывай.

– И сколько же ты мне намерен отвалить? – как можно безразличнее спросил Макар.

– Из уважения к тебе и ко всем питерским жиганам... двадцать процентов.

Макар отрицательно покачал головой:

– Пойми меня правильно, Кирьян, не могу я согласиться. Что я жиганам своим скажу? Не поймут они меня.

– Ну что мы с тобой торгуемся, как на базаре? Не мешочники ведь! Ладно, так и быть, тридцать процентов, добро?

– Хорошо, – не без сомнения отвечал Хрящ.

– Настоящего жигана за версту видно, – буркнул со своего места Степан.

– Мне ведь у вас в Питере приходилось бывать, – произнес негромко Кирьян, – у меня кореш там задушевный живет... Фрол Копыто, не слыхал о таком?

– Какой он из себя? – серьезно спросил Макар.

– Высокий такой парень, с пышной черной шевелюрой, кулачища с арбуз! Треснет по башке – убьет!

На секунду Макар Хрящ призадумался, а потом уверенно ответил:

– Я в Питере почти всех блатных знаю, но о жигане с таким погонялом не слыхал!

Кирьян вдруг весело расхохотался, хлопнул по-приятельски Макара по плечу и признался:

– Пошутил я. Нет такого Фрола Копыто в Питере!

Жиганы, сидящие за столом, сдержанно засмеялись.

Неожиданно в дверь постучали замысловатой дробью. Мадам Трегубова приникла к окну и отступила с довольной улыбкой.

– Это Макей!

– Пусть заходит, – распорядился Кирьян, – теперь он тоже жиган.

Елизавета Михайловна отомкнула дверь, и, стуча каблуками, в комнату вошел высокий парень.

– Всем мое здравье! Какая почтенная публика, не каждый день такое собрание увидишь! Какое событие отмечаем? Взяли кассу и теперь подсчитываем бабки?

Кирьян показал взглядом в сторону Макара и сказал:

– Здесь у нас гость питерский... Дело предлагает.

– Вот как. А меня в дело возьмете?

Макару показалось, что совсем недавно он уже слышал этот шепелявый басок. Он обернулся и увидел того самого жигана, с которым столкнулся на выходе из пивнушки. Глаза их встретились.

Парень сверкнул золотой фиксой и гнусно прошепелявил насмешливым баском:

– Уж не этот ли хмырь за столом ваш гость?

Хрящ поднялся, его рука невольно скользнула к карману, в котором лежал револьвер.

– Не меня ли ты хмырем назвал... гусь лапчатый!

За столом повисло напряженное молчание. Взгляды всех присутствующих застыли на яростных лицах обоих жиганов. Кирьян отложил в сторону вилку, и она, стукнувшись о край фарфоровой тарелки, издала зловещий звук.

– Что за напряги такие? О чем базар?!

– Все очень просто, Кирьян, – зло улыбнулся Макар. – Просто этот малец со своими приятелями думал нас пощипать около пивной. А мы ему зубы показали.

Кирьян широко улыбнулся:

– Это на него похоже. Хорошая смена растет. Только давайте поставим на этом крест, жиганы, раз и навсегда. Пожмите друг другу руки!

Не без усилия Макар сдержанно улыбнулся. Будто бы отведав добрый пуд кислятины, заулыбался и Макей.

Макар вышел из-за стола и сделал ленивый шажок навстречу. Макей также не торопился, всем своим видом давая понять, что если бы не воля Кирьяна, так видел бы он в гробу всех питерских жиганов.

Рукопожатие у Макея оказалось неприятно вяленьким. Так же несильно тиснул его ладонь и Макар.

– Ну, вот и славно. Давай глотку погорчим, чтобы впредь подобного не случилось. Эй, Елизавета, где ты там? – по-хозяйски подал голос Кирьян. – Совсем ты про гостей забыла. Давай еще один штоф, только носи со своим фирменным! – наказал пахан.

– Сейчас, сейчас, мои дорогие, – засуетилась женщина.

– А вот это тебе за жранину, Лизонька, – Кирьян высыпал на стол горсть серебряных монет.

Похоже, что Кирьян был склонен к широким жестам. Макар обратил внимание, что даже половины этих денег хватило бы на то, чтобы шикарно посидеть в «Астории», даже если бы целый вечер пришлось черпать ложками красную икру.

Выпили горько. Закусили сладко.

Макей сидел рядом и вяло ковырялся в тарелке.

– А ты молодец, не сдрейфил, – сдержанно похвалил он.

– На том стоим, – отвечал Макар.

Грибочки у мадам Трегубовой оказались хороши, и он не заметил, как съел почти всю тарелку.

– А может, стирки раскинем? – предложил Костя Фомич, обращаясь к Макару. – Про тебя легенды ходят, что ты в картах мастак.

Макар Хрящ довольно заулыбался:

– Можешь проверить.

– А вот у меня и картишки имеются, – радостно встрепенулся Макей. – Давай сядем сюда, – показал он на соседний стол, на котором ничего, кроме коробка спичек, не было.

– С превеликим удовольствием, – произнес Макар и сел к столу. – Эх, сколько же я за этим столом башлей надыбал, и не сосчитать! – мечтательно произнес он.

Макей вытащил из кармана колоду карт и небрежно бросил ее на стол, скользнув по гладкой поверхности, она рассыпалась неровным веером.

– Что же ты нашего гостя обижаешь, – укорил его Кирьян, – вот вам колода карт.

И он, положив нераспечатанную колоду на край стола, легким движением подтолкнул ее к Макару.

За столом настороженно затихли, ожидая реакции питерского. Хрящ слегка нахмурился:

– Вы жиганы путевые, спору нет! Только ведь и я не лыком шит.

И Хрящ выложил на стол точно такую же нераспечатанную колоду.

– Думаешь, что моя крапленая? – пожал плечами Кирьян. – А ведь ты нам не доверяешь, питерский, верно я говорю?

– Я вам доверяю, – произнес, как отрубил, Макар Хрящ, – а только я вам не туз колыванский. И потом, что же питерские жиганы обо мне подумают, если я вам в прах продуюсь. Скажут, приехал в Москву, проигрался до штанов! А я своим авторитетом дорожу. Давайте так, жиганы, сделаем, сначала моей колодой сыграем, а потом вашей перекинемся. Лады?

– Договорились, – поймал взгляд Кирьяна Макей. Он уверенно надорвал пачку и вытряхнул из нее новехонькие глянцевые карты. – Значит, Питер против Москвы? Посмотрим, кто кого. Итак, господа, можете делать ставки, – высоким голосом прокричал Макей. – Так, во что играем, питерский, в свару, буру? А может, в преферанс?

Макар невольно улыбнулся. Еще одна проверочка. Без умения играть в карты жиганом никогда не стать. И чем выше мастерство, тем весомее авторитет.

– Мне без разницы, – равнодушно произнес он, наблюдая за ловкими пальцами Макея, без остановки тасующими карты, – можно в свару, можно и в буру. А если желаешь, так давай в фараона перекинемся, в стос, в тринку, в горку, можно в квинтет.

За столом одобрительно загудели.

– А ты и вправду, видно, неплохой игрок, – похвалил Макей. – Я таких игр и не слышал. Ха-ха-ха! Только выбор всегда за гостем остается.

– Тогда давай в свару! – предложил Макей.

– Не возражаю.

Размешивал Макей профессионально. Карты ручейком перебегали из одной руки в другую, стелились на столе в длинную дорожку и вновь собирались воедино.

– Снимай, – положил колоду на стол Макей.

Макар приподнял часть карт и отложил их в сторону.

Макей собрал стирки вновь и сказал небрежно:

– Ну, Хрящ, почему играем?

– А на «хрящ любви», кто кого посадит, – отрезал Макар.

За столом сдержанно захихикали, игра обещала быть интересной.

– А у тебя хрящ любовный-то не переломится? – усмехнулся Макей.

– Не переживай, жиган, – успокоил его Макар, – все будет путем, он у меня железный.

А если сомневаешься, так можешь пощупать.

– А ты, однако, остер, – сдержанно оценил Макей.

– Это ты верно сказал, могу так обрить, что вообще без хряща останешься. Девочек щекотать нечем будет.

Рассмеялся даже Степан, все это время сурово молчавший. Прыснула и мадам Трегубова, стыдливо махнув ладошками.

Макей насупился. Шутка ему не понравилась.

– Давай зажигалку против зажигалки, – неожиданно предложил Макей, положив на стол изящную зажигалку. Или, может, у питерских духу не хватает?

– А давай, – согласился Хрящ и положил на стол свою золотую зажигалку. – Мы, питерские, народ богатый, даже золотым пометом гадим! – весело произнес Хрящ.

И вновь за столом дружно загоготали. Взгляды всех присутствующих остановились на зажигалке, оценивая тонкую ювелирную работу.

– Ну что, питерский, прощайся со своей игрушкой. Ты рассказывал, что князь Юсупов от нее прикуривал, а теперь московский жиган Макей ею пользоваться будет! – серьезно заметил Костя Фомич.

– Как бы ему без своей не остаться! – усмехнулся Макар Хрящ, зорко наблюдая за быстрыми руками Макея, и, когда карты были разложены, поднял.

Крестовая масть!

Питерский обернулся. За его спиной слащаво улыбался худенький жиган. Это Хрящу не понравилось. Маяки подавал, падла!

– Сколько даешь? – спросил Макей, спрятав в ладонях карты.

– Деньги сегодня не в чести, – заметил веско Макар Хрящ, сощурившись. – Вот тебе еще одна вещица, – он снял с пальца перстень с бриллиантом. – Только если выше давать будешь, золотишко нужно выкладывать.

– А ты, питерский, парень не промах, на золотишко решил меня раскрутить. Только нас этим не возьмешь, – положил Макей на стол десять золотых монет царской чеканки. – Годится?

– Вполне, – удовлетворенно кивнул Макар.

Лицо у Макея оставалось спокойным, а вот пальцы слегка подрагивали. К чему бы это, если карта у него убойная?

– Вскрываешь или дальше идешь? – как можно беззаботнее спросил Макей.

Макар достал из кармана золотой портсигар, полюбовался искрящимися бриллиантами на крышке, потом распахнул его и, вытащив папиросы, рассовал их по карманам.

– Для меня курево дороже золота. Забиваю и дальше под тебя хожу.

Жиганы уважительно загудели. Игра раскручивалась по-крупному.

– Ты, питерский, здесь у нас весь свой цветняк оставишь, – заметил Кирьян.

– Рыжее – дело наживное. Сегодня нет, а завтра целый воз наберем, – философски заключил Макар.

Макей наморщил лоб, задумавшись.

– Видно, придется мне раскошеливаться. Не думал, что дело так повернется. – И, повернувшись к Трегубовой, сказал: – Лиза, сегодня утром я тебе браслетик золотой принес с камушками и серьги, давай их сюда.

– Да ты что, родненький, – запротестовала Елизавета Михайловна, – я их уже в дело пустила!

– Давай, давай, – замахал руками Макей, – неужели хочешь без постоянного клиента остаться? Я ведь могу вещицы и в другое место отнести.

Мадам Трегубова повздыхала и пошла в соседнюю комнату. Вернулась через минуту. В руках она держала золотой браслет тонкой работы в виде нескольких сплетенных змеек и серьги с темно-зелеными изумрудами.

– На сколько же они потянут? – невольно вырвалось у Макара Хряща.

– На сколько потянут, не ведаю, но если их на уши нацепить, так они точно мочки оторвут, – заметил Макей. – Ты что думаешь, питерский, у тебя одного, что ли, красивые вещички водятся? Нам тоже кое-что перепадает!

– Откуда же у тебя такая красота? – не сумел сдержать восхищения Макар Хрящ.

– Откуда, спрашиваешь? У фрейлины одной за буханку хлеба выменял, – с усмешкой отвечал Макей. – Ну, так как, на банк сгодится?

– Самое то, – удовлетворенно отвечал Макар, разглядывая изумруды. – Да что там фрейлина!.. Такие вещи незачем самой императрице носить! Как сорву банк, будет в чем моей крале на малинах щеголять, – произнес жиган.

В ответ одобрительно захохотали, сполна оценив шутку.

– Чем ответишь, питерский? Только займы по ходу игры не даем, у нас правило такое! – серьезно обронил Кирьян.

– Хорошее правило, – согласился Макар. – У нас в Питере такой же закон. Если денег нет, лучше за стол не садись. Ну и раскрутили же вы меня, московские жиганы, – засокрушался Макар. – Хотел я эту вещичку на крайняк оставить, да, видно, не судьба. – Он сунул руку в карман и вытащил золотые часы. – Этот брегет бо-о-ольших денег стоит, одних бриллиантов здесь дюжина!

Жиганы зачарованно смотрели на часы. Некоторые из них впервые видели такую роскошь, и им просто не верилось, что подобные вещи могут находиться в обыкновенном потертом кармане. Такие дивные штуковины принято хранить в семи кованых сундуках, под многими замками. И стеречь их следует днем и ночью с оружием в руках. И опять-таки будь всегда готов к тому, что найдется умелец, который непременно захочет отомкнуть сказочный ларчик.

А питерец – лихой жиган, вот так запросто выложил дорогую игрушку на карточный кон, как если бы это был всего-навсего просверленный гривенник. На форс его поступок не потянет – слишком велик риск! А значит, он нисколько не сомневался в собственном выигрыше. Хотя... так может играть и человек, обожающий риск.

– Банком давишь? – сумел наконец оторвать заблестевшие глаза от золотой вещицы Макей.

– Нет, я вскрываю, – произнес Макар, не отрывая взгляда от пальцев Макея, и небрежно швырнул карты на стол: – Двадцать шесть... масть крестовая!

Будь Макар менее искушенным, то, возможно, не обратил бы внимания на движение пальцев Макея. Но когда половину жизни проводишь за карточным столом, то знаешь, что скрещенные ладони не к добру (в замке можно спрятать карту, а из раскрытого рукава легко вытянуть явку). Да и мизинец у Макея, как у опытного каталы, был с длинным ногтем. На такой в середине прошлого века шулера надевали серебряный колпачок, опасаясь сломать. Отросший ноготь требует особого ухода – его старательно обрабатывают надфилем и тщательно ровняют. А иной хозяин заботится о хитиновом отростке не меньше, чем о собственном состоя-

нии. Длинным ногтем удобно пропихивать в недра рукава лишнюю карту, а из складок одежды легко выковырять бубнового туза.

– Руки на стол! – вскочил со своего места Макар. – Ты меня что, за фраера захарчеванного принимаешь, обушок гнойный?!

– Ты чего возбуждаешь! – ощерился разъяренный не на шутку Макей. – Язык прикуси, ты не у себя в Питере.

– Ты мне тут фуфло не толкай! Что у тебя в правом рукаве?! Явка гнилая!

Макей злобно оскалился, показав золотые зубы. Он что-то хотел произнести, но Макар, ухватив его за кисть, вытряхнул из рукава припрятанную карту.

Шестерка крестей, совершив пируэт, скользнула на стол рубашкой вниз.

– А это что, хрен, что ли? – бросил карту в лицо Макею питерский жиган. – У нас за такие дела в Питере на перышко поднимают. Да и не только у нас.

Макей поднялся. Их разделял всего лишь какой-то метр.

– А мы, московские жиганы, неблагодарным гостям бабье исподнее натягиваем. Ну что встали, жиганы, – прикрикнул Макей, – расстегай ширинки!

– Урою, – побледнев, отступил на шаг Макар, – вернусь с питерцами, всех урою!

Рядом за столом сидел Васька Кот. В обеих руках по ножу. Вот кто просто так не помрет. Застыв изваянием, он дожидался только хрипастого окрика Хряща, чтобы бесенком прыгнуть на Макея. Фиксатый умрет первым. Но прежде чем тот свалится на пол, Васька успеет поковыряться перышком в его ливере.

Макар увидел Елизавету Михайловну, застывшую у комода. Рот ее был потешно приоткрыт, в руке дрожал графин с коньяком.

Баба понесет убытки!

В комнате повисла тишина. Гнетущая. Предгрозовая. Макар заметил, как двое жиганов, стоящие во главе стола, значительно переглянулись, двое других, молодые, едва вылупившиеся из шкетов, злорадно залыбились. Для них Хрящ был всего лишь залетный фраер, упакованный по самую макушку, такого и пощипать-то не грех!

Жиганы дожидались лишь удалого посвиста Кирияна, чтобы гуртом навалиться на гостя и, подмяв его под себя, обобрат до исподнего, а потом вытереть об него ноги.

Вот тогда ему уже вовек не подняться!

– Марш по углам! – неожиданно раздался суровый голос Кирияна. – Вы что меня перед гостем позорите?! Что обо мне питерские подумают! Нам еще работать с ними не раз придется. А ты, Макей, на что пошел? Сам знаешь, что за такое бывает...

– Кириян, ну тут такое дело, – виновато произнес Макей, – как-то все закрутилось. Проверить надо было...

Теперь он напоминал обыкновенного дворового щенка, на которого тявкнул матерый пес. И если бы у Макея был хвост, то от страха он непременно поджал бы его.

– Если руки кривые, то нечего за карты садиться, – произнес, как отрезал, Кириян. – Базар закончен, высыпали все на улицу! – приказал жиган. – У нас с питерским серьезный разговор будет. – И, строго посмотрев на замешкавшегося Фомича, добавил: – А ты чего, Константин, трешься? Я же сказал, что у нас дело серьезное. Пойди к Клавке, развейся, она баба старательная, успокоит так, как надо. А Лизонька в обиде не будет, так ведь? – приобнял Кириян Елизавету Михайловну за талию.

– Вот охальник, – шутейно попыталась вырваться мадам Трегубова, но по горящим глазам было заметно, что ласка была ей приятна.

Фомич враз потускнел, но перечить Кирияну не посмел. Калибр мелковат. Натянул кепку на глаза и, ссутулившись, вышел. Вряд ли он посмел бы возразить, даже если бы Кириян всерьез положил глаз на Елизавету Михайловну.

– А ты вот что, – попридержал Кирьян у самых дверей Макея, – деньги питерскому оставь.

Макей нахмурился, но послушно выгреб из кармана золотые монеты и положил их на край стола.

– Здесь все? – строго спросил Кирьян.

– Да, – глухо произнес Макей, стараясь не смотреть на атамана.

– А теперь иди.

Дверь захлопнулась громче, чем следовало бы.

– Ты уж извини, – примирительно сказал Кирьян. – За такое дело надо на ножи ставить. Но мы тебя все-таки решили проверить. Вот Макей и перегнул слегка.

– Ладно уж, – неохотно буркнул Хрящ.

– Зато теперь будет знать свое место, – заметил Кирьян, подливая коньячок питерскому. – А то в последнее время хвост начал поднимать не по делу. А потом, как мне в Питер заявляться, если мы нашего гостя обидим, – хитро улыбнулся Кирьян.

Брать деньги Макар не торопился, выпил коньяку, поморщившись, и закусил ветчиной. А потом лениво, как и следовало поступать в таком случае, сгреб деньги в карман, оставив на столе три золотых кругляша.

– Вот что, Лизонька, давай нам на стол чего-нибудь эдакого. Пожирней да повкусней! Угощаю!

– А ты, питерский, не скупой, – уважительно протянул Кирьян, – люблю таких!

– Только ведь деньгами я тоже не люблю бросаться, они счет любят, – напомнил Макар Хрящ. – Расчет после будет, когда банк возьмем.

– Молодец, – вновь похвалил Кирьян, – умеешь копейки считать.

– Деньги-то не мои, – произнес Хрящ, – а общаковские, жиганы питерские отстегнули. Я их вернуть должен после дела.

Макар в присутствии Кирьяна и Степана чувствовал себя свободно. Серьезные и предсказуемые люди, чего никак нельзя ожидать от молодых жиганов. Еще не обтесанные, мало битые... Но ничего, жизнь расставит все на свои места.

– Ты кого из питерских возьмешь? – спросил Степан.

Невысокий, необыкновенно крепкий, Степан напоминал циркового атлета, находящегося на отдыхе. Движения его были плавными и ленивыми, словно парень берег силу для предстоящего выступления.

– Решил никого не брать, – отрицательно покачал Макар головой и, посмотрев на Ваську Кота, безмолвно поглощавшего заливную рыбу, добавил: – Вот разве что Кота! Но мы с ним всегда в паре. Лучше его во всем Питере никто замки не откроет. А потом, чего делиться? Самим хавать охота, – заметил морячок, широко улыбнувшись.

– Это ты верно заметил, – согласился Кирьян. – А что с деньгами будешь делать, придумал?

Макар Хрящ тщательно прожевал соленый огурчик, а потом, ненадолго задумавшись, ответил:

– Есть кое-какие мысли... Не держать же мне вечно мешок с деньгами под кроватью. У меня кое-какие тропинки за границу отлажены. Вот туда я золотишко и переправлю. Сейчас там царские червонцы в ходу. На них вот так жить можно, – чиркнул он себя по горлу большим пальцем. И уже тише, придавая тем самым собственным словам еще большую значимость, проговорил: – Если хочешь, могу и тебе помочь. Много не возьму.

Кирьян понимающе закивал:

– Нужда будет, обращусь.

Появилась Елизавета, разрумянивавшаяся и оживленная. Макар заметил, что она даже поменяла прежнее платье на более откровенное. К чему бы это? Платье было коротким, с

глубоким вырезом на груди. Теперь уже совершенно не обязательно было вытягивать голову, чтобы оценить ее прелести. А грудь оставалась по-девичьи великолепной и грозила выпорхнуть из тесной материи на желанную свободу.

– Вот, это для особо почетных гостей, – сияла хозяйшка, как начищенный пятак, торжественно водружая на стол блюдо с паюсной икрой.

– А раньше чего не выставила? – лукаво улыбнулся Кирьян.

– А зачем? – удивилась Елизавета Михайловна. – Сожрут ведь и не оценят. Сами они все худющие, а жрут в три горла. И все ненасытные!

Она отошла в сторонку и, проходя, будто невзначай коснулась ладонью плеча Макара. Хрящ почувствовал, как по его телу пробежал ток. Невольно он посмотрел ей вслед – платье колыхалось из стороны в сторону, выгодно выделяя при каждом шаге крутые бедра.

Будь у него побольше времени, можно было бы заняться этой спелой птахой и где-нибудь в темном уголке пощипать ее перышки.

– А с вами сколько человек будет? – небрежно поинтересовался Макар.

Кирьян внимательно посмотрел на жигана, намазавшего на ломтик белого хлеба икры.

– А чего ты вдруг забеспокоился? Боишься, что без доли останешься? – усмехнулся Кирьян.

– Тут другое, – важно заявил Макар, – люди должны быть проверенные. Я свою шкуру не хочу подставлять понапрасну.

– А у меня непроверенных нет, – негромко заметил Кирьян.

– Я предлагаю встретиться еще раз. В ближайшее время я должен получить план здания, и при следующей встрече я вам передам его. Обсудим все в деталях.

– Дельное предложение, – согласился Кирьян, посмотрев на Степана, – тогда и определимся, когда начать. Может, ты и место присмотрел?

– На Ходынке блатхата имеется крепкая, – веско произнес Макар. – Мы с питерскими все время в ней останавливаемся, когда в Москве бываем.

– Место хорошее, – согласился Степан, – уголовка там редко шарит. У меня у самого там малина. А какие там девочки! – поцеловал он сложенные в щепоть пальцы. – Есть там одна – под два метра ростом. Говорит, что канкан в «Мулен Руж» танцевала. А на какой улице? – вдруг неожиданно спросил Степан.

Пальцы Макара чуть дрогнули, на белую скатерть упал небольшой зернистый комок. Хрящ невольно чертыхнулся. Подцепил кончиком ножа упавшую икру и, презрев брезгливость, размазал ее по куску масла.

– А хрен его знает! – поднял он ясные глаза на Степана. – Улиц-то я не запоминаю. А потом, я никогда там один не появляюсь. Куда меня везут, туда и ладно. Но где-то ближе к реке. Это верняк!

– Адрес когда сможешь сказать?

– Завтра и скажу.

– Перед делом посидим, еще раз обмозгуем, что к чему. Только давай, питерский, так с тобой договоримся, – сунул ложку в икру Кирьян, – жранина с тебя. Видно, что ты парень везучий, всегда при деньгах. А у нас в последнее время форта нет. Чтобы закусочка была хорошая, выпивка, ну и все такое.

Макар усмехнулся:

– Боюсь, на такую ораву у меня деньжищ не хватит.

– Это ты брось! С головы до ног в золоте ходишь, а медяков на выпивку не имеешь? Ты вот что сделай, Хрящ, заложи свои безделушки Елизавете Михайловне, а она тебе за них хорошие деньги отвалит.

– И сколько же ты мне дашь за них, Елизавета? – по-деловому поинтересовался Макар Хрящ.

В глазах мадам Трегубовой вспыхнул алчный огонек.

Макар вытащил портсигар, повертел его в руках. Крохотные бриллианты засверкали многими огнями. Жиган достал папироску, постучал ею о стол и, смяв, сунул в уголок рта.

– Десять тысяч золотом!

– О! Хорошие деньги, – кивнул Кирьян, – не думал, что ты такая щедрая.

Макар Хрящ упрятал портсигар глубоко в карман и, усмехнувшись, произнес, скривив губы:

– Маловато будет! Здесь одних только камешков на пятьдесят тысяч золотом наберется. Вот если есть такие деньги, без базара отдам.

– А может, поторгуемся?

– Мадам, при всей моей симпатии к вам хочу заметить, что мы не на толкучке. Я вам не фунт дыма предлагаю.

– Ладно, жиганы, – поднялся из-за стола Кирьян. – Все решили. Завтра ждем. А ты, Лиза, посмотри, есть ли кто за дверьми.

– Как же это вы так сразу, – почти обиделась мадам Трегубова, – и не посидели-то толком.

– На киче сидеть будем, – весело отозвался Кирьян. – А сейчас дела у меня кое-какие есть.

Лиза, шаркнув задвижкой, открыла дверь. С улицы в тепло комнаты дохнула прохлада, и лампадка, тускло горевшая в углу, плеснула красным сиянием, осветив потемневшее от времени чело божницы.

– Нет там никого, все тихо. На углу стоят трое, но это твои... тебя ждут.

Кирьян кивнул и вышел.

– Куда это он? – постарался Макар спрятать неудовольствие. – Только о деле начали говорить.

Степан неожиданно улыбнулся, показав крепкие ровные зубы:

– Не удивляйся. Барышня у него завелась, не отказывать же себе в удовольствии. Я тоже пойду, – обронил, поднимаясь, Степан. – А ты молодец, питерский, ловко ты Макея выставил. Он ведь у нас мастер на карточные фокусы. А ты его, как гнилой орех, раскусил. Аж треск по комнате пошел, – восторженно произнес он и, хохотнув, вышел из дома.

Не то от выпитого самогона, не то действительно в Елизавете Михайловне произошли какие-то существенные изменения, но Макар почувствовал необыкновенное влечение к ней.

– Ты это... На улице побудь пока, – негромко посоветовал Хрящ Коту, – у меня к мадам разговор имеется.

Васька Кот лишь усмехнулся уголком рта и, не сказав ни слова, вышел. Жиган уверенно подошел к Елизавете Михайловне и, ухватив ее за плечи, проговорил:

– А правда, что мамки в борделях – самые жаркие женщины на свете?

– А ты проверь, – негромко, но с некоторым вызовом отвечала Трегубова, прижавшись в ответ к морячку.

Руки Макара сползли ниже. Ладони обхватили узкую гибкую спину, а пальцы, отыскав застёжки, стали уверенно расстегивать пуговицы на платье. Жиган почувствовал, как Елизавета Михайловна слегка обмякла в его руках и издала негромкий тягучий стон.

– А ты охальник!

– А мы, моряки, все такие, – улыбнулся Макар, ощущая, что женщина слабеет.

– Ты бы свет потушил, не ровен час, еще кто-нибудь в окно посмотрит, – взмолилась Елизавета.

Макар Хрящ слегка отстранился и повернул выключатель. Комната погрузилась в полумрак, только в самом углу продолжала тлеть лампадка, а Богородица с каким-то затаенным укором наблюдала за действиями жигана.

Макар посмотрел в окно. На улице мелькнула длинная сгорбленная тень. Неприятно, однако. Еще минуту он всматривался в темноту, пытаясь разгадать видение. Никого. Только у противоположного дома, прислонившись плечом к стене, стоял одинокий бродяга. Потоптавшись малость, он закинул на плечо тощую котомку и побрел в глубину Хитровки.

Глава 4

В УГОЛОВКЕ БЕЗ ПЕРЕМЕН

Прошло уже десять дней, а новый начальник уголовного розыска не объявлялся. Кравчук дважды отправлял посыльного с секретной депешей, но ответ, озадачив его вконец, был твердым: «Ждите!» Самое неприятное было в том, что бандиты активизировались и не далее как на прошлой неделе преступники взломали вещевой склад, с которого вывезли около десяти тонн драповой материи.

Удар был ощутимым.

Отыскились немногие очевидцы, которые рассказывали, что тюки были загружены на подводы. Но самым вызывающим был тот факт, что налетчики были в кожаных чекистских тужурках, поверх которых болтались кобуры с маузерами. И всякий, кто встречался на пути, невольно сворачивал в сторону, опасаясь накликать на себя беду. Налетчикам удалось благополучно миновать заставы и раствориться где-то на окраине.

А три дня назад в Мытищах был совершен налет на поезд, в котором ехало не менее полусотни нэпманов. Господ раздели до исподнего и высадили из поезда. К этой безрадостной картине добавлялось еще то обстоятельство, что едва ли не каждую ночь в Москве гремели перестрелки, а грабеж в темных переулках стал обычным делом.

В «Московской правде» были опубликованы списки расстрелянных бандитов, и первым в них значился бывший хозяин Хитровки уркаган Горыныч. Его близкая подруга мадам Трегубова содержала около Хитровского рынка притон и, по оперативным данным, занималась скупкой краденого. Но вот подобраться к ней не представлялось возможным. Мадам была необыкновенно осторожна и любую хитрость распознавала за версту. Но что совершенно точно, на Хитровке она была одной из ключевых фигур и была посвящена во многие планы жиганов. После удачных налетов они собирались у мадам Трегубовой отметить фарт. Очень заманчиво было бы накрыть их всех скопом, но беспризорная шпана, что окружала Хитровку тремя плотными кордонами, мгновенно предупреждала жиганов о малейшей опасности.

Кравчук вздохнул и посмотрел на часы. Время – полночь.

Его шофер Кузьмич, грузный мужик с одутловатым лицом, пару раз как бы невзначай заглядывал в приоткрытую дверь кабинета и степенно, заложив руки за спину, проходил дальше по коридору. До работы в уголовном розыске он служил в кремлевском гараже и не однажды говаривал, что времени в тот период у него было куда больше, чем сейчас.

Кравчук лишь хмыкал на хмурое выражение лица шофера, но домой не спешил. А собственно, куда? Без женщины квартира казалась стылой. Два года назад он сошелся с одной барышней и даже прожил с ней несколько месяцев. Но, что удивительно, уже на второй день после расставания в нем проснулись холостяцкие привычки, и он уже запросто, не заботясь о чистоте и позабыв прежнее воспитание, мог протопать в грязных башмаках по коврам и стряхнуть пепел в фарфоровую чашку.

В последнее время он частенько добирался до дома на служебной машине и с тоской думал о том, а сохранится ли за ним подобная привилегия, когда наконец объявится новый начальник. В сущности, обижаться не стоит, машина прикреплена к должности, и ничего страшного не будет, если он станет трястись в трамвае, как и прежде.

– Кузьмич! – громко крикнул Кравчук и, когда в проеме появился изрядно поредевший чуб водителя, весело распорядился: – Запрягай своего железного коня, выезжаем.

Шофер не сумел сдержать радости.

– А он уже давно у меня под седлом стоит, – улыбаясь, отреагировал он на шутку. – Седока дожидается.

Несмотря на капризный характер, Кузьмич знал толк в машинах и, кроме того, обладал почти болезненной страстью к чистоте, пятнышки пыли на лобовом стекле он воспринимал едва ли не как личное оскорбление. Даже ковры на сиденья постелил. Где он их, интересно, раздобыл? Да видно, у буржуев экспроприировал!

Кравчук жил в Пыжевском переулке в квартире бывшего фабриканта. Прежний жилец так торопился расстаться со Страной Советов, что, съезжая за границу, не успел распродать даже мебель. А потому тратиться на посуду Кравчуку не пришлось. Заслуженный чайник, который он протаскал за собой едва ли не всю Гражданскую, пришлось за ненадобностью зашвырнуть на помойку.

До Пыжевского Кузьмич докатил быстро, торопился мужик. Супружеский долг такая же святая обязанность, как и служебный.

Федор задрал голову. Окна квартиры встретили его неприятной темнотой. Он пошарил в карманах и вытащил ключи.

Тень он заметил сразу, как только подошел к подъезду. Крадучись, она напозла на входную дверь и застыла. Кравчук понимал, что у него не оставалось времени, чтобы дотянуться до револьвера, и единственное, что он успеет, так это в последнем мгновении рассмотреть лицо своего убийцы.

– Стоять! – проговорил Кравчук, не оборачиваясь. – Еще одно движение, и я вышибу тебе мозги.

– А ты бы сначала свой наган из кобуры-то вытащил, прежде чем пугать. – И уже доброжелательно, почти смеясь, подошедший проговорил: – А ведь ты меня не признал, Федор Степаныч. Похоже, что испугался.

Кравчук повернулся. Перед ним, выпрямившись во весь свой немалый рост, стоял Егор Грош и неприятно усмехался.

– Ты чего пришел? – зло поинтересовался Кравчук.

– Ты вот на меня сердишься, гражданин начальник, а ведь я к тебе по делу. Рискую, можно сказать. Если меня кто из жиганов случайно увидит, так перышком до смерти защекочет. Вот так-то!

– Отойдем в тень, – распорядился Кравчук, понимая, что так оно и есть в действительности. А потом, Грош не явился бы просто так. И когда тень плотно укрыла их лица, коротко спросил: – Ну, что там у тебя?

– На Хитровку опять питерские приходили. Неспроста! Видать, дело какое-то крупное затевается.

– С чего ты взял? – усомнился Кравчук. – Мало ли какой сброд у вас там собирается.

Грош отрицательно покачал головой:

– Туда сброд не пускают, гражданин начальник! Настоящие жиганы подошли!

– И сколько их было?

– Не считал, но много! А потом Кирьян со Степаном объявились, а эти просто так и пальцем не пошевелият. Значит, прибыльное дело намечается.

– Как зовут питерского, знаешь?

– Как звать, не знаю, а только он весовой и с нашими жиганами на равных держится. А вчера у мадам Трегубовой пьянку устроили, и он с Лизой царскими червонцами расплачивался.

– Богатый, – согласился Кравчук.

– Не то слово, – протянул бродяга, – наши-то жиганы не любят деньжатами разбрасываться. Скуповаты! А этот широту натуры показал. Может, у них в Питере так заведено? Так вот, к следующей встрече питерский обещал поляну сытую накрыть. – И со скрытой завистью добавил: – Для него деньги, что шелуха от семечек.

– Где они соберутся, знаешь?

Бродяга отрицательно покачал головой:

– Нет.

– А может, у Трегубовой?

– Ну ты, гражданин начальник, наших жиганов за лохов, что ли, держишь! Где же такое видано, чтобы на одном и том же месте второй раз встречаться, да еще по важному делу.

Кравчук молча согласился, а потом спросил:

– Как мне отыскать твоего питерского?

Грош широко улыбнулся.

– Не надо тебе его искать. Выследил я его! – победно произнес бродяга. – Он недалеко от Сухаревки проживает.

– Четвертной заработать хочешь? – спросил Федор Кравчук, понимая, что остаток ночи безнадежно пропал.

Бродяга недоверчиво покосился на Федора.

– Кто же не хочет?

– Поехали сейчас туда! – потянул он за рукав хитрованца.

– Э-э! – неожиданно запротестовал бродяга. – Да ты, начальник, и впрямь ополоумел! Куда в такую темень тащиться? Того и гляди, ненароком кирпичом по затылку огреют.

– Держи четвертной, – вытащил деньги из кармана Федор Кравчук.

– Ну и настырный ты, господин начальник, – укорил бродяга, – от тебя просто так не отделаешься, – не без досады сунул он в карман деньги. – Ладно уж, пойдем! Эй, извозчик! – крикнул он проезжавшей мимо пролетке. И, вскочив в нее, произнес: – Ты, милейший, давай до Сухаревки нас подвези, да чтоб все в лучшем виде было. Мы господа богатые, – выразительно покосился он на Кравчука, – за скорость целковый сверху накинem!

Извозчик был детина лет сорока и в широком поношенном армяке напоминал медведя, взобравшегося на козлы.

– Если вы, господа, ко мне со всем уважением, так и я к вам с пониманием. – И, рубанув кнутом воздух, воскликнул: – Эх, пошла, залетная!

Вороной конь нервно дернулся от хозяйской «ласки» и усердно забарабанил коваными копытами по булыжной мостовой.

– Что-то, братец, рожка у тебя разбойная, – поддел извозчика бродяга.

– Это вы, господа, в точку, – не стал отпираться тот. – На царской каторге семь лет просидел... Но-о, пошла, родимая! – взлетел в воздух кнут.

– И за какие же подвиги тебя в Сибирь определили? – вмешался Кравчук.

Извозчик чуть обернулся, и Федор увидел тяжелый взгляд из-под косматых бровей.

– А чего тут темнить, если господа с пониманием, – неожиданно ласково пропел детина. – Разбой! – И уже обстоятельнее, безо всякого раскаяния в голосе продолжил: – Наше-то село на трех больших дорогах выросло. Народ в нем разный останавливался, и часто богатый. И как же постояльца топориком не огреть, если у него «катеньки» изо всех карманов торчат? – искренне удивился извозчик.

– Тоже верно, – натянуто согласился бродяга, покосившись на Федора. – А как же ты в городе-то оказался?

– А как вышел с каторги, домой вернулся... Мамка-то моя померла... Делать мне в селе нечего было. А все односельчане меня за шального принимали. Я отцовский дом продал, купил лошадку да в город подался, – сообщил извозчик. – Вот теперь хоть какой-то приработок имеется!

За разговорами до Сухаревки доехали быстро. В одном месте резвая лошадка едва не затоптала кота, а уже у самой башни извозчик едва не сшиб бродягу, нежданно вынырнувшего из темной подворотни. Обругал его матерно и так же лихо погнал пролетку дальше.

– Ты бы, голубчик, вон у того здания остановился, – тоном знатного вельможи распорядился бродяга. Ощущение было такое, что он полжизни прокатался в пролетках.

– Это мы с превеликим удовольствием, – отозвался извозчик и, натянув вожжи, прикрикнул: – А ну стоять, родимая!

– Сменил бы ты ремесло, братец. С такой физиономией, как у тебя, только головы господам откручивать.

– Отвернешь вам, – незатейливо хмыкнул детина, – у твоего товарища-то из-под куртки вон какой пистоль торчит. Тут и самому без головы остаться можно. – И, получив обещанный гривенник, проговорил: – Вы бы, господа, не очень шалили-то. Нынче за всякие шалости в расход пускают.

– Уж постараясь, – серьезно пообещал извозчику Кравчук.

– А он тебя за жигана принял, – уважительно протянул Грош. – У тебя, Федор Степаныч, в роду часом никого из каторжников не было? – с интересом взглянул хитрованец на начальника.

– Не припомню... А я вот тоже не подозревал, что в тебе столько барства может быть! Как ты с извозчиком разговаривал... Уж не согрешила ли часом твоя матушка с каким-нибудь удалым помещиком?

Шутку бродяга воспринял очень серьезно, похлопал глазами, почесал затылок. Невесело хмыкнул, нелепо скривив губы:

– Я ведь и сам так частенько думаю, господин начальник. Если не так, тогда откуда у меня ума палата? Ну да ладно, чего душу-то травить. Пойдем покажу, где питерский засел. Крыльцо видишь? – показал бродяга на угол дома с большим парадным входом.

– Ну, – неопределенно протянул Кравчук.

– А ты не морщись и за свихнутого меня не принимай. Прежде здесь князья жили, а теперь все кому не лень. А в трех квартирах и вовсе бордели. Так вот, питерский на четвертом этаже живет. Ты глянь туда, – кивнул он наверх. – Третье окно справа видишь?

– Так. Занавеска на нем светлая.

– Верно. Вот здесь и проживает питерский жиган.

Федор Кравчук с интересом посмотрел на окно. На миг его посетила бесшабашная мысль: а что, если подняться в квартиру и, потрясая наганом, спровадить залетного на Петровку.

Заприметив блеснувшее в глазах Кравчука озорство, бродяга строго предупредил:

– Ты бы глупости из башки повыбрасывал! Не справишься тебе с ним в одиночку, он настоящей породы! Жиган, одним словом. Я таких за свою жизнь только двоих и встречал.

– Это кто же еще-то один?

– Знамо дело – Кирьян! Ты бы не горячился, неизвестно, сколько их там.

Последний довод выглядел разумным.

Несколько минут Кравчук всматривался в тускло-желтое окно, нервно раскуривая папиросу. А потом, отшвырнув ее, проговорил:

– Ладно, пойдем отсюда, чего напрасно светиться.

Отходя от дома, Кравчук бросил прощальный взгляд на окна четвертого этажа. Оконный проем был темен, похоже, что хозяин квартиры отправился на боковую. Но неожиданно занавеска слегка дрогнула. Кравчук застыл. Или все-таки показалось? Постояв немного, Кравчук пошел дальше, но, даже отойдя на значительное расстояние, он не мог избавиться от ощущения, что его спину сверлит пара внимательных глаз.

ТЕРПЕТЬ НЕ МОГУ СКВОЗНЯКОВ...

До Сухаревой башни Макар добирался кружным путем, на перекладных, сначала трамваем, потом дважды поменял извозчика. Когда входил в подъезд, то обратил внимание на нищего, безмолвно сидящего на углу здания. Все бы ничего, вот только взгляд у того был шаль-

ной и заинтересованный. Нищebroдам полагалось, пряча глаза, смиренно выпрашивать милостыню и, упоминая Христа, взывать к человеческой жалости, но этот смотрел дерзко, словно каждому из прохожих угрожал кистенем.

Его профиль показался Хрящу знакомым. И когда он хотел подойти поближе, чтобы рассеять возникшее подозрение, то нищий сгреб со дна шляпы горсточку мелочи, небрежно сунул ее в карман и, неожиданно бодро поднявшись, поспешно затопал в проходной двор. Хрящ метнулся следом, но высокая сторбленная фигура мгновенно растворилась, будто бы укуталась в сумерки.

Неприятное чувство не позволяло расслабиться. Не помог даже стакан водки, который он жажнул, едва переступив порог. Веселый хмель вытеснил накопленное напряжение, заставил слегка расслабиться, но беспокойство не ушло, оно лишь затаилось, чтобы с чувством отрезвления вновь замутило голову.

Именно это неосознанное чувство подтолкнуло его подойти к окну. Макар слегка отодвинул занавеску и посмотрел на мостовую.

На краю тротуара, как раз напротив дома, стояли два человека, с интересом поглядывающие на верхние этажи. В одном из них, высоком и слегка сутулом, Макару показалось, он узнал нищего, которого встречал прежде. Если бы было не так темно, то можно было бы рассмотреть их лица!

Может, все-таки случайные прохожие?

Повернувшись, они быстро зашагали прочь и скоро скрылись из виду.

Хрящ закурил, пыхнул дымком. Надо рассуждать трезво. Не иначе как Кирьян выследил. Даром, что ли, в прошлый раз их целая стая пацанов провожала! Мальчишки – народ легкий, малоприметный, за ними всеми не уследишь. Запрыгнули на задок пролетки и доехали до самого конца. Не доверяет ему Кирьян, подстраховаться захотел. Это на него похоже.

Квартиру нужно менять. Пусть втемную поиграет, тогда шансы сравняются.

Макар долго не мог уснуть, одолеваемый многочисленными думами, а потом, под самое утро, глубоко забылся, будто провалился в бездну.

Сон был тяжелым и очень вязким. Снилось война. Рядом раздавались громкие голоса, затем что-то тяжело ухнуло, и Макара придавила какая-то неподъемная тяжесть.

Макар понял, что его контузило. Сил, чтобы пошевелиться, не оставалось. Над ним склонился германец и, злобно хмыкнув, произнес на чистейшем русском:

– А ну поднимайся, паскуда! Допрыгался, тварь гребаная!

Восторга по поводу его блестящего русского Макар не испытал, он вновь сделал попытку подняться, но почувствовал неимоверную боль в плечах, и все тот же голос с поучительной интонацией продолжал:

– Не так шибко, дядя, мы ведь тебе можем и руки вывернуть!

Макар открыл глаза. Прямо перед ним стоял парень лет тридцати и весело размахивал наганом. Немного в стороне стоял еще один, помладше, в руках маузер. Неприятное обстоятельство, но ствол маузера был направлен прямехонько в середину лба Макара. А на его спине, уткнув колено в шею, куражился молодой дурень пудов эдак на восемь. Четвертый, несколько похлипче, выкручивал руку. А в прихожей, будто бы в память о недавнем артобстреле, валялась выкорчеванная дверь.

– О, как дрыхнул! – восхищенно протянул тот, что стоял поближе. – Даже не слышал, как мы дверь ломали. Крепок сон у нашего господина, как говорится, и пушками не разбудишь.

Теперь Макар понимал, что бродяга у его подъезда объявился не случайно. Его выследили! Именно он маячил у заведения мадам Трегубовой. Наверно, он проник в хату и подмешал в бутылку с водкой какую-нибудь гадость. Если это не так, тогда откуда такой кошмарный сон?

Стоило только на минуту расслабиться!

– Кирьян этого не одобрит! – зло проговорил Макар. – У нас с ним дела.

Все дружно захохотали, рассмеялся даже детина, расположившийся на его спине. И его огромная туша, сотрясаясь, заставляла вздрагивать Хряща до самых кишок.

– Кирьян, говоришь, не одобрит, – отсмеявшись наконец, проговорил первый. Всмотревшись, Макар узнал в нем ночного гостя, того самого, что стоял вместе с бродягой под окнами. – Вот ты нас к нему и проводишь, – жестко проговорил парень. – Нам бы хотелось с ним потолковать. – Хрящ попробовал встать, но почувствовал, как крепкие руки перекрыли тут же дыхание. – Но-но!.. Марусев, если что, дави его под корень.

– Не оплошаю! Рыпается, сучий хвост, – враждебно проговорил гигант, изгибая Макара в дугу. И уже со строгостью, в которой чувствовалась нешуточная угроза, обронил: – Еще дернешься, надвое обломаю.

Судя по захвату, так оно и произойдет. Не иначе как этот мужик французской борьбой баловался.

– Кто вы? – прохрипел Макар Хрящ, не сводя взгляда с русоволосого парня. Лицо обыкновенное, с крохотными веснушками на переносице. Он напоминал деревенского озорника ловеласа, перетаскавшего на батюшкин сеновал половину девок села.

– Мы из Московского уголовного розыска. И знаем о тебе все. Ты питерский жиган, приехал в Москву неделю назад. – Макар хотел возразить, но почувствовал, что мощные руки мгновенно придавили горло.

– Сказано, не дергаться.

А русоволосый беспристрастно продолжал:

– Дважды ты встречался с московскими жиганами у мадам Трегубовой. Не будем терять время, допрос проведем прямо здесь. Итак, первый вопрос: что ты собираешься здесь делать? Предупреждаю тебя, я очень суровый человек и не терплю, когда меня обманывают...

Где-то под матрасом лежал его наган. До него не дотянуться, зато русоволосый реальный, вот он, на расстоянии вытянутой руки. И похоже, что шутить не собирается. Не однажды уркачей находили расстрелянными прямо на московских улочках. И кто тут разберет, что произошло на самом деле – вооруженное сопротивление или у оперативника было дурное настроение.

– Чем вы докажете, что из уголовки? – спросил Макар.

– Тебе и доказательства нужны, – хмыкнул русоволосый. Но, выдержав паузу, извлек из кармана удостоверение и, раскрыв его, спросил: – Грамотный?

– Не переживай, разберусь.

– Тогда читай! – поднес он к глазам.

– Хм... Федор Кравчук, значит?

– Верно, – произнес белобрысый, убирая удостоверение. – Так ты будешь говорить, падла жиганская? У нас ведь с такими, как ты, разговор короткий!

От ствола маузера пахло кислятиной. А ведь убьют!

– Мне нужно поговорить с тобой без свидетелей, – произнес Хрящ.

На мгновение русоволосый смешался, а потом уверенно отвечал:

– От товарищей у меня секретов нет.

– Ну что ж, – проговорил Макар, понимая, что иного выхода не существует. – Вы, кажется, ждете новое начальство?

Русоволосый заметно нахмурился. С минуту он молчал, видно, собираясь с мыслями, а потом процедил сквозь зубы, пыхнув в лицо Макару яростной злобой:

– Верно... И до вас новость докатилась! Новый начальник шутить не станет, сразу всех к стенке поставит.

Макар Хрящ чуть приподнял голову и увидел на столе свой наган. Наверное, вытащили из-под подушки во время сна. И надо же было так отключиться! А может быть, в водку что-то подмешали? Недаром же там этот нищий вертелся.

Русоволосый поймал направленный взгляд и поднял наган.

– Револьвер-то свой в порядке держишь, даже на боевом взводе, уж не нас ли ты поджидал?

– Дешу от товарища Дзержинского получил? – не стал отвечать на вопрос задержанный.

Кравчук задумался вновь:

– Однако ты много знаешь, как я посмотрю. Предположим, и что с того?

– Я и есть ваш начальник... Игнат Трофимович Сарычев. Вопросы есть?

В комнате повисла неловкая пауза. Сотрудник, устроившийся на его спине, не иначе как от большого смущения, принялся выкручивать ему руку.

– Ну какого хрена руку-то ломать?! – закричал Хрящ. – Слезешь, я тебе по шее накостыляю.

Детина не отпустил, но хватка его сделалась значительно слабее.

Федор Кравчук с недоумением посматривал на питерского жигана. На начальство тот не тянул, это точно! Даже руки, сплошь в наколки, выдавали в нем воровскую личность. Что всерьез смущало Кравчука, так это прямой немигающий взгляд, который, казалось, был нацелен в самую душу.

– Чем ты можешь доказать, что ты товарищ Сарычев? – после некоторого раздумья спросил Кравчук.

– Федор Кравчук, значит... Мой заместитель. Вот так встреча у нас получилась... а только твое удостоверение можно считать действительным... Фотографию на дату налепили! Ну кто же так делает?!

Кравчук открыл документ и с удивлением обнаружил, что задержанный оказался прав. Прояви постовой побольше принципиальности, с такой корочкой Кравчук не сумел бы попасть даже на собственную работу. Странно, что он не замечал этого раньше. А у питерского жигана глаз наметанный.

– Да слезь ты с меня наконец! – не на шутку обозлился задержанный. – Все кости раздавишь!

Кравчук слегка кивнул, и детина устроился рядом на табурете, готовый в любую секунду вновь навалиться многопудовым телом.

Хрящ присел на край кровати, крепко потер шею, а потом, указав рукой на пиджак, небрежно перекинутый через спинку стула, попросил детину:

– Дай сюда пиджачок.

Гигант неохотно поднялся и, взяв пиджак, протянул его Хрящу. Тот пощупал пальцами подкладку, довольно хмыкнул, а потом, чуть надорвав ее, вытащил небольшое картонное удостоверение и аккуратно положил его на стол.

– Читай!

Кравчук взял картонку с показной осторожностью, словно опасался, что она способна воспламениться в его ладонях. Раскрыл. В правом верхнем углу помещалась небольшая фотография, на которой нетрудно было узнать питерского жигана, на ней – фиолетовая гербовая печать. А в центре на трех строчках уместилось: «Начальник уголовного розыска г. Москвы Игнат Трофимович Сарычев». А ниже размашистая подпись наркома внутренних дел Ф. Э. Дзержинского.

Дождались, значит...

Кравчук растерянно вернул документ. Он знал, что в такие моменты на его лице появляется глупейшая улыбка, а сам он напоминает гимназиста, застигнутого строгим директором в туалете во время курения. Ну, в конце концов, не каждый день приходится таким вот образом знакомиться со своим новым начальством!

Между тем Сарычев с улыбкой посмотрел на детину, который съехал под взглядом начальника, и спросил:

– Где же ты так руки-то научился выкручивать?

– В цирке, – прогудел атлет, чуток смелея, – французской борьбой занимался.

– Коля у нас с самим Заикиным боролся, – сказал молодой оперативник, стоявший позади Кравчука. – Сорок пять минут против него продержался.

Игнат Сарычев с интересом оценил фигуру атлета – чего там Заикин! – такими руками можно запросто свернуть шею самому Поддубному.

– Ладно, раз так дело обернулось, считайте нашу встречу первым оперативным совещанием. Не буду вдаваться в детали... расскажу как-нибудь потом, но если я появился Москве как жиган, значит, так было нужно. Я действительно встречался на Хитровке с Кирьяном и Степаном. Мне удалось заинтересовать их ограблением банка, и завтра мы должны встретиться и обсудить кое-какие детали. Встреча должна состояться на нашей территории, где-нибудь на хазах, и чтобы у бандитов и малейшего подозрения не было, что это подстава. У вас есть какие-нибудь предложения?

– Есть три блатхаты, – сдержанно подал голос Федор Кравчук. Он до сих пор не смог в полной мере осознать превращение питерского жигана в товарища Сарычева. – Малинщицы в них – наши люди.

– Не подходит! – неожиданно резко обрубил Сарычев. – Хаза должна быть совершенно не засвеченной. Если таковой нет, тогда ее следует подготовить, и сделать все это нужно будет в течение ближайших суток. Подобрать малинщика, который не должен вызывать подозрение. В соседних комнатах нужно будет разместить оперативников. Желательно, чтобы малина была организована на средних этажах, тогда в этом случае мы имеем возможность занять верхние и нижние этажи и блокировать преступников. Все должно быть проделано очень тонко, чтобы комар носа не подточил. У жиганов необыкновенное чутье на опасность, любую фальшь они раскусят мгновенно. Будьте осторожны с беспризорниками, если те заметят что-то неладное, то тут же передадут жиганам. Прошу соблюдать строжайшую конспиративность. Кравчук, отвечаешь головой.

– Сделаем все в лучшем виде, – убежденно заверил его Кравчук. – Люди со мной надежные, молчать будут как могила. Хату тоже найдем.

– От меня к вам придет человек и передаст инструкции. Им нужно подчиняться беспрекословно.

– А как мы его узнаем?

Сарычев сунул руку в карман. Извлек из него бубнового туза и небрежно порвал. Одну половинку протянул Кравчуку.

– Мой человек придет со второй половиной. Где вас найти, он знает. А сейчас быстро, без лишней суеты на улицу. И не забудьте сказать дворнику, чтобы вставил дверь. Я терпеть не могу сквозняков, у меня от них насморк.

* * *

– И что ты обо всем этом думаешь? – спросил Степан, посмотрев на Кирьяна, сидящего напротив.

Кирьян Курахин взял стакан с самогоном и выпил его в три огромных глотка, горько поморщившись. Он не опохмелялся, а священнодействовал, а потому следовало запастись терпением. Отыскав хмурым взглядом буженину, он взял ломтик и нехотя закусил.

– Ты о чем? – наконец спросил Кирьян.

Степан усмехнулся. Кирьян любил разыгрывать из себя простака. В этом лицедействе ему не было равных. Он производил впечатление обыкновенного сельского увальня, впервые ока-

завшегося на городской ярмарке. Глаза большие, ошалелые, словно бы от множества соблазнов: и пряников можно закупить целый куль, и девку понравившуюся сосватать. Вот только беда – слишком уж батюшка суров, может не одобрить.

Жиганы, впервые видевшие Кирьяна, испытывали заметное разочарование. Облик простоватого детины никак не вязался с историями о разухабистом молодце с большой дороги. Лишь пообщавшись накоротке, они в полной мере могли оценить масштаб его личности: расчетлив, дальновиден, необыкновенно дерзок и в то же время очень осторожен. Кирьян взял от своих мятежных предков-каторжников все самое ценное, что полезно было в его опасном промысле. От батяни силу, от матушки хитрость, а от деда, известного на всю муромскую дорогу разбойника, коварство.

– О питерском, – отвечал Степан, стараясь не раздражаться. – Уж больно он ушлый, так я тебе скажу, – отвечал Кирьян. – Видал, как он Макея раскусил! Как будто ждал, что его сейчас охмурять станут. Не люблю я таких, – честно признался он.

– Так ты ему не доверяешь? – задал главный вопрос Степан и перевел взгляд на спутницу Кирьяна – Дарью. Дарья была девкой видной, с большой грудью и тонким аристократическим лицом.

Кирьян по-хозяйски обнял барышню и притянул ее к себе, Дарья податливым выюном прижалась к его плечу. Удачливая воровка и фартовый жиган – чем не пара! Из множества поклонников она выбрала именно Кирьяна, что, впрочем, неудивительно, бабы всегда западают на все самое лучшее. Полгода назад у Степана к Дарье было чувство, но их отношения не развились дальше того, что при встречах на малинах он беззастенчиво лапал ее. Правда, однажды он предпринял серьезную попытку овладеть ею, когда они остались вдвоем, он повалил ее на диван и попробовал стащить трусики. Неожиданно Степан натолкнулся на серьезное сопротивление. Вытаращив глаза, Дарья вскрикнула шепотом:

– Что же ты делаешь, ирод?! Девка я!

Кто знает, может, в то время так оно и было. Дарью пришлось оставить в покое, Степан не любил бабьх слез.

Свою энергию он, как правило, растрачивал на более сговорчивых барышень.

И вот сейчас Кирьян обнимал Дарью с хозяйской небрежностью, из которой следовало, что жиган откупорил девицу с такой же легкостью, с какой привык извлекать пробку из бутылки шампанского.

В душе у Степана родилось раздражение. Кирьян всегда забирал самое лучшее: после налета ему доставалась большая часть награбленного, да и девки у него были первый сорт.

Кирьян будто бы хотел показать, что существующие меж жиганами правила не для него. Вот и сейчас он притащил на серьезный разговор барышню, давая понять, что она такой же равноправный партнер, как и прочие.

– Сложно сказать, – протянул Кирьян, – но то, что он жиган, это точно! Достаточно взглянуть один раз, чтобы понять это. А дело он предлагает стоящее: один раз хапнем, и хватит сразу на пару жизней. – Задумавшись ненадолго, он добавил: – Правда, я столько жить не собираюсь.

Они помолчали, как бы подчеркивая, что настоящий жиган за жизнь не держится. Главное для него – фарт.

– Согласие сразу давать не нужно, – веско заметил Кирьян, – пускай Костя Фомич за ним понаблюдает, а там видно будет. Пусть блатхату покажут. И прежде чем на дело пойти, отправим нашу Лизоньку посмотреть. Она у нас хитрая, как лисичка. Пускай сходит, разнюхает, если что не так, она нам тут же даст знать. Лиза – баба с головой, любую подставу определит.

– Мадам Трегубову мы, конечно, отправим, – согласился Степан, не без усилия отведя глаза в сторону. Он старался не смотреть на Дарью, но не получалось. Дарья никогда не носила лифчика, так что даже от малейшего движения ее грудь приходила в невероятное волнение и

способна была вызвать головокружение, как от крепкого напитка. – А только я питерскому не верю, – отрицательно покачал головой Степан.

– Вот как? – Кирьян выглядел удивленным и, стиснув Дарьюшку крепче, неожиданно расхохотался: – А не боишься без куша остаться? В нашем деле, как и с бабами, без натиска не обойтись.

Степан лишь скупой улыбнулся. Дарья выглядела чуток смущенной. Ах, вот как, значит, все-таки она рассказала Кирьяну о посягательствах на свою честь.

– Возможно, – сдержанно согласился Степан, – спорить не буду.

Глава 5

ЗА МЕСЯЦ ДО ТОГО...

Феликс Эдмундович положил перед Игнатом Сарычевым несколько листов машинописного текста.

– Четыре крупнейших налета за последнюю неделю! Вы посмотрите, до чего бандиты додумались! Окружили здание вокзала и ограбили всех, кто там находился! Неслыханно! И это среди бела дня. Только по самым скромным подсчетам, ими было награблено свыше полутора миллионов рублей! Причем они настолько уверовали в собственную безнаказанность, что даже не скрывают своих имен! А не далее как три дня назад банда Кирьяна вломилась в Большой театр и обчистила всех, кто пришел на премьеру. Вы представляете! Ведь это чуть ли не дипломатический скандал! В театре в тот момент оказались иностранные гости. Они тут же растрезвонили на всю Европу, что большевики не могут справиться с валом преступности. Небезызвестный вам Кирьян останавливает под Москвой железнодорожные составы, запирает проводников в купе и грабит всех пассажиров без разбору! Если дело будет развиваться так и дальше, то не удивлюсь, что скоро они начнут появляться даже в Кремле.

Дзержинский никогда не повышал голоса. Речь народного комиссара, холодная и размеренная, больше напоминала студень ручей, способный в одно мгновение остудить самую разгоряченную кровь. Сарычев, человек закаленный, невольно почувствовал, как его пробирает нервная дрожь. Особенно выразительны были глаза Дзержинского – большие, красивые, глубоко посаженные в орбиты, они оказывали на собеседника почти гипнотическое воздействие, у каждого непроизвольно возникало желание исповедаться во всех существующих грехах.

– Это действительно недопустимо, Феликс Эдмундович, – сдержанно согласился Сарычев, еще не понимая, куда клонит председатель. – Надо еще более ужесточить меры борьбы с налетчиками. В Питере у нас, на Лиговке и Сенной, несколько месяцев назад было еще хуже. Среда бела дня грабили!

– Но вам ведь удалось с ними справиться? – строго посмотрел Дзержинский на Игната.

– Удалось, Феликс Эдмундович, но какого труда нам это стоило! Не обошлось и без жертв... Близко к главарям мы подойти не сумели, мы задействовали большую часть своих сотрудников, которые под видом бродяг и бездомных бродили вблизи всех значных мест. Так что мы знали обо всех их передвижениях, и, когда однажды они собрались на малине, мы окружили дом и уничтожили всех бандитов. На некоторое время преступная жизнь в городе парализована. Сейчас остались лишь мелкие шайки. Но с ними не так сложно. Многие преступники уехали из города, в основном в Москву, – негромко доложил Сарычев.

– А вы, я вижу, неплохо знаете проблему, Игнат Трофимович. Но, кроме самих преступников, нас интересуют еще и ценности, которые они добыли преступным путем. Ведь это огромное количество золота, драгоценных камней. У того же самого Кирьяна должно быть немало, так сказать, «сбережений», и все эти богатства надо изъять и вернуть государству. И это тоже одна из ваших главных задач! Об этом всегда надо помнить, – с некоторым нажимом сказал Дзержинский, отхлебнув чай из граненого стакана, и, как бы опомнившись, произнес: – Вы что же чай-то не пьете или не понравился?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.